

czeństwie», «Ubiór i pielęgnacja ciała», «Zdrowie i choroba». По словам авторов, все слова будут распределены по тематическим разделам, и снабжены грамматическими показателями, примерами словоупотребления и пр. информацией. В статье А. Матулевской и М. Васелевской есть фрагмент словаря в виде таблиц. Эти таблицы представляют собой список лексем, по всей видимости, являющихся одновременно и словарными статьями. В готовой электронной версии материал будет располагаться в поисковой программе, которая поможет ориентироваться в обширном языковом материале. Авторы планировали выход первого тома словаря в 2006 г., а второго тома — в 2008–2009 гг. Но, как выяснилось в ходе нашей личной переписки с А. Матулевской, которая на данный момент является руководителем проекта, словарь до сих пор не завершен и не известно, когда он будет закончен. А. Матулевская поясняет, что сейчас имеется рабочая версия словаря, которая требует доработки. Сам словарь планируется публиковать отдельно по тематическим блокам.

Проведенная работа позволяет нам сделать заключение о том, что на эстонско-славянском фоне эстонско-польская лексикография представлена довольно большим количеством справочников и словарей. Основная их часть появилась за последние 20 лет — в период, когда тесные языковые и культурные контакты между Эстонией и Польшей обусловили необходимость составления учебников, справочников, разговорников и двуязычных словарей. Несмотря на то, что научная традиция в этой области еще не успела сформироваться, сделано за этот короткий период времени было удивительно много. При этом на сегодняшний день эстонско-польская лексикография нуждается не только в новых изданиях, но, прежде всего, в теоретических работах по составлению словарей — как традиционных, так и словарей нового типа.

Литература

Паликова 2007 — О. Паликова. *Двуязычный словарь и функционально значимые связи слова*. *Dissertationes Philologiae Slavicae Universitatis Tartuensis* 18. Тарту, 2007.

Росс 1998 — Э. Росс. *Эстонская лексикография во второй половине XX столетия. Направления развития и выводы*. *Linguistica Uralica* XXXIV. Tallinn, 1998, 1, с. 45–52.

Тедер 1996 — К. Тедер. *Из истории полонистики в Эстонии перед Второй Мировой войной*. *Дипломная работа (Рукопись)*. Тарту, 1996.

ЕЕ 6 1992 — *Eesti Entsüklopeedia* 6. Tallinn, 1992.

Matulewska, Wasielewska 2004 — M. Matulewska, M. Wasielewska. *Polsko-estońsko-angielski elektroniczny słownik tematyczny*. *Investigationes Linguisticae*. 2004, IX, s. 1–9. URL: http://www.staff.amu.edu.pl/~inveling/pdf/matulewska_wasielewska1_inve11.pdf (07.04.2013)

Tóth, Wasielewska 2000 — S. Tóth, M. Wasielewska. *Vanemat ja uuemat eesti-poola leksikograafia alalt*. Keel ja kirjandus. XLIII. Tallinn, 2000, 11, lk. 827–829.

Словари и пособия

Bielecki 2009 — R. Bielecki. *Język estoński dla początkujących. Teksty i gramatyka*. Poznań, 2009.

Bielecki 2010 — R. Bielecki. *Język estoński dla początkujących. Słownik estońsko-polski i polsko-estoński*. Poznań, 2010.

Bielecki 2011 — R. Bielecki. *Język estoński dla początkujących. Ćwiczenia i rozwiązania*. Poznań, 2011.

Borowska-Peterson, Peterson 2008 — S. Borowska-Peterson, M. Peterson. *Eesti-poola vestmik*. Tallinn, 2008.

Damborský, Wójcik 1981 — J. Damborský, A. Wójcik. *Mini-rozmówki czeskie*. Warszawa, 1981.

Eesti-vene sõnaraamat 1997–2009 — *Eesti-vene sõnaraamat*. I–V. Tallinn, 1997–2009.

Erin, Stefańczyk 2000a — L. Erin, W. Stefańczyk. *Eesti-poola sõnastik. Słownik estońsko-polski*. Kraków, 2000.

Erin, Stefańczyk 2000b — L. Erin, W. Stefańczyk. *Poola keel: podręcznik języka polskiego dla Estończyków*. Warszawa, 2000.

Kaljuste 1996 — T. Kaljuste. *Languages around the Baltic Sea. Dictionary in Nine Languages. Keeled ümber Läänemere. Üheksakeelne sõnastik*. Tallinn, 1996.

Kowalowa, Wójcik 1980 — G. Kowalowa, A. Wójcik. *Mini-rozmówki rosyjskie*. Warszawa, 1980.

Major 2000 — M. Major. *Eesti-poola vestmik. Rozmówki estońsko-polskie*. Tallinn, 2000.

Nurmik, Skomorowski 1937 — M. Nurmik, E. Skomorowski. *Praktiline eesti-poola, poola-eesti käsiraamat. Praktyczny podręcznik estońsko-polski i polsko-estoński*. Tartu, 1937.

Raid, Smirnov 1966 — A. Raid, S. Smirnov. *Tšehhi-eesti sõnaraamat*. Tallinn, 1966.

Salwa, Wójcik 1982 — P. Salwa, A. Wójcik. *Mini-rozmówki włoskie*. Warszawa, 1982.

Sepre, Sepre, Wójcik 1980 — W. Sepre, R. Sepre, A. Wójcik. *Mini-rozmówki estońskie*. Warszawa, 1980.

Vene-eesti sõnaraamat 2000 — *Vene-eesti sõnaraamat*. I–II. Tallinn, 2000.

III

ВОПРОСЫ СЛАВЯНСКОГО СИНТАКСИСА И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

НЕМЕЦКО-РУССКИЙ РУССКИЙ — ОТ ИГРЫ К ЯЗЫКУ?

HOLGER KUBE, МАРИНА ШАРЛАЙ

Смешанные языки – немецко-русский язык в Германии – особенности употребления

1. Шпраха Qwelja

Один из берлинских музыкантов Саша Пушкин пародирует в своих песнях, написанных на шуточном языке «квеля» манеру русских эмигрантов выражаться на смеси русского и немецкого языка, который на сайте www.strannik.de представляется следующим образом:

«На шпрахе Квеля шпрехают цирка миллион бевоносящих в Бундесе, Ёстерайхе и Швицерляндии ауслэндеров фон Руссланд (...). На Qwеле создан великий могучий литератур и фольклёр, который занимает вихтижный платц в шатцкаммере мировой культур» [URL: <http://www.strannik.de/quelia/>, дата обращения 23.01.2013].

Игровое смешение языковых систем в такого рода фольклоре, псевдокодифицированном в «Wertabuche Qwelja» вызывает комические эффекты и на самом деле ограничивается относительно узким кругом пользователей [см. также: Vrehmer 2007]. Это, как правило, эмигранты последней волны (1990-ые гг.), культурно-языковая среда которых делится на русскоязычную сферу общения в частной коммуникации и немецкоязычную общественную сферу. В их русскую речь, т.е. в русскую языковую систему, вкрапывается немецкая лексика, в результате чего (на русской основе) возникает немецко-русский русский идиом.

Смешивание немецкой лексики с русской грамматикой, а также другие формы трансференции — явления изначально окказиональные и в данной (как и в любой другой) ситуации взаимного контактирования языков и культур неизбежные. Использование смешанной речи в устном, в первую очередь, семейном или дружеском общении, а также в интернете или в шуточном фольклоре позволяет, однако, предположить, что с ее распростране-

нием может возникнуть определенная системность. Ведет ли смешение языков от индивидуальной и последующей за ней коллективной креативности к новому (суб)стандарту или (микро)языку — центральный вопрос статьи. Ее целью является анализ современного состояния русского разговорного и письменного языка в Германии в его взаимодействии с немецким языком. Фокус исследования направлен на выявление особенностей речи эмигрантов и связанную с этим систематизацию примеров, записанных в интервью с русскоговорящими респондентами, а также фигурирующих в русскоязычной эмигрантской прессе ФРГ и на интернет-форумах, где обсуждаются повседневные вопросы.

2. Лингвистика смешанных языков

Немецко-русский русский идиом в Германии представляет собой смешение на основе русского языка и отличается тем самым от влияний русского языка на немецкий, характерных населению немецкого происхождения в России и немецкоязычным эмигрантам. В последнем случае следует говорить о русско-немецком немецком идиоме. Оба идиома относятся к кругу языковых феноменов, статус и классификация которых широко обсуждаются в сегодняшней контактной лингвистике под термином «смешанный язык» (*Mischsprache*, *mixed language*) [см. Thomason 2001: 157–221].

Явления такого типа наблюдаются и в любых других межъязыковых отношениях, когда культурный и языковой контакт между двумя (или больше) разноязычными этносами обладает некоей стабильностью [см. сборник: Matras, Bakker 2003; относительно русского см.: Golovko 2003]. Давно уже известно и достаточно хорошо описано в контактной лингвистике, что языки, попадающие в разноязычное окружение, могут превращаться в новые разновидности. В англоязычном мире, особенно в Индии и в Африке, возникли так наз. *новые* или *мировые* английские языки (*New Englishes*, *World Englishes*) [см. Platt/Weber, Lian 1984; Kachru 1992; Bolton, Kachru 2006]. Такие же явления наблюдаются и во Франкофонии [см. Müller 1975; Erfurt 2005a; Tétu 1997; Erfurt 2005b; Wolton 2006]. В немецкоязычном пространстве наблюдается множество региональных разновидностей, представляющих собой не просто диалекты, а лексически и грамматически явно смешанные с окружающими языками идиомы. Так, например, венгерское влияние на немецких венгерских немцев исследует Földes [2005], о смешении немецкого и датского языков пишет Fredsted [2008; 2009], о немецком языке в русскоязычном окружении в Сибири Blankenhorn [2003].

Говоря о русском языке в разноязычном окружении, следует, с одной стороны, различать речевые особенности разных волн эмиграций, которые по-разному взаимодействуют с внешними влияниями [см. Земская 2001], с другой стороны, однако, можно выделять и специфические пути развития русского в зависимости от окружающих и влияющих на него языков. В литературе встречаются такие понятия, как *американский русский* (American Russian) или *австралийский русский* (Australian Russian), *феннорусский* и т.д. [Polinsky 2000; Rethage 2012: 52–61; Протасова 2004]. Взаимовлияние русского и немецкого исследовалось сначала в немецкой германистике и описывалось ею как отличительная черта языка переселенцев из России [Berend 1998; Meng 2001; Meng, Protassova 2005; Менг, Протасова 2002]. Кроме того, сегодня существует ряд исследований немецких интерференций или трансференций в русской речи мигрантов с русским языком как первым, например, в коммуникации детей, вырастающих в двуязычной среде, а также в речи лиц русскоязычного происхождения, которые проживают только некоторое время в Германии (в т. ч. студенты) [Goldbach 2005; Pabst 2007; Anstatt, Dieser 2007; Brehmer 2007; Brehmer, Ždanova 2007; Куфе 2011; Rethage 2012; Karl 2012; Levkovych 2012; Протасова 1996; Шиндлер 2001; Жданова 2006].

При оценивании конкретных речевых явлений смешения возможны, как минимум, три варианта:

- 1) речевые факты представляются речевыми, т.е. лишь актуальными явлениями (*ad hoc*-явления, Code Switching);
- 2) они составляют особую разновидность русского языка;
- 3) они являются выражением возникновения нового, в данном случае ни русского, ни немецкого, а третьего, смешанного из них языка.

Сопоставление первой и третьей возможности приводит к альтернативному вопросу: немецко-русский русский идиом представляет собой только совокупность произвольных, случайных и преходящих смешений языков (нем. Sprachmischungen) или же это, по крайней мере отчасти, — гомогенная языковая разновидность, развивающаяся в сторону полного смешанного языка (нем. Mischsprache)?

Сам вопрос о статусе взаимовлияния языков, хотя и ставится в конкретных ситуациях развития двух или больше идиомов каждый раз по-новому, не новый. Х. Шухардт обсуждал его уже в конце XIX в. в рамках основанной им креолистики. Известна и гипотеза Я. Н./ И. А. Бодуэна де Куртене [1963 (1900/1901)] «о смешанном характере всех языков», следуя которой немецко-русский русский и другие смешения на русской языковой основе представляют собой не исключения в жизни языков, а обычные, хо-

тя и бросающиеся в глаза случаи. Иными словами, речь здесь идет о реализации универсального языкового процесса. Типы смешения, однако, отличаются друг от друга, на что обратил внимание уже ученик Бодуэна де Куртенэ Л. Щерба. Он настаивал на том, что нельзя отождествлять влияние одного языка на другой в виде заимствования и смешения, так как именно благодаря смешению языки существенно меняются [Щерба 1974 (1936)]. О последнем мы можем говорить в случае креольских языков.

Явления немецко-русского смешения, в свою очередь, нельзя считать ни кодифицированным креолом, ни функционально ограниченным пиджином. Они относятся скорее к типам, которые С. Томасон классифицирует как «другие смешанные языки» (*other mixed languages*) [Thomason 2001: 196–221]. Пиджин и креол возникают как языки общения между группами, невладеющими или недостаточно владеющими языком собеседника (*mixed languages based on imperfect learning*) [Thomason 2003: 22], причем между этими группами нередко наблюдается явная иерархия (креольские языки развивались, как правило, в условиях рабства). Другие смешанные языки, среди которых Томасон называет и бывший «медный алеут» (*Mednyj Aleut*), язык русско-алеутского населения в «русской Америке» XIX в. [Thomason 2001: 202–203], она определяет как двуязычно смешанные языки (*bilingual mixed languages*).

Такие игровые явления как «Шпраха Qwelja» свидетельствуют о том, что немецко-русский русский идиом скорее относится к этому типу. По классификации Томасон, он принадлежит к типу смешения, который не формировался долгосрочным процессом слияния языков в контактной ситуации (как, например, в случае креольских языков), а внезапно создавался двуязычными говорящими: «*abrupt creation by people who are active bilinguals in both languages*» [Thomason 2001: 205; см. также: Golvoko 2003: 191, где подобный тип считается смешанным языком в прямом смысле]. Однако, определяя немецко-русский русский идиом как двуязычный смешанный язык, нельзя не учитывать того, что он и на уровне системного состава и на уровне коммуникативного функционирования весьма ограничен. С социолингвистической точки зрения следует констатировать тот факт, что, с одной стороны, этот идиом обычно не служит для коммуникации между разноязычными группами (немецкоязычными и русскоязычными говорящими) как пиджин или креол, но, с другой стороны, он и не является средством формирования нового «этноса» в исконно немецкоязычном или русскоязычном обществе, а используется в основном внутри русскоязычного населения Германии и немецкоязычных стран. К тому же надо признать, что немало явлений в бытовом общении возникают именно из-за

отсутствия полного знания языка, зачастую даже и обоих языков, как это показывает следующий комментарий из интернет-форума, где смешение приписывается именно началу освоения нового языка в новом жизненном окружении:

- (1) «Это называется от одного языка отстал, а к другому не пристал. А мне это кажется вполне нормальным явлением в начальный период овладения языком» [URL: <http://www.uroki-russkogo.ru/?page=41>, дата обращения: 22.01.2013].

Из сказанного следует, что определение статуса немецко-русских языковых смешений остается открытым.¹ Возможным представляется лишь оценка тенденций языкового развития по фактам живой коммуникации.

3. Языковые формы немецко-русского русского

Обращаясь к причинам смешения языков, в т.ч. немецкого и русского, следует в целом заметить, что смешанная речь обосновывается, во-первых, принципом экономии, во-вторых, потребностью заполнения лексических пробелов, и, в-третьих, поэтической (эстетической) функцией языка. Так, принципу экономии следуют такие примеры:

- (2) «С этим анмельдунг рудите в тамошний социальамт (...) Если в социальамте и арбайтсамте спросят ...» (*анмельдунг* вместо *регистрация*, *социальамт* вместо *ведомство по социальным вопросам*, *арбайтсамт* вместо *служба занятости*) [URL: forums.germany.ru/forums/legal/14033254.html, дата обращения: 23.01.2013].
- (3) «У *Selbständigen* заработок учитывается, исходя из трёх последних лет» (*Selbständigen* вместо *у частных предпринимателей*) [Анонс 2009/89: 23].

Как показывают примеры, в словарном составе эмигрантов укоренились лексические заимствования в сфере общественных служб и профессий, которые так и называются в немецко-русском русском *амты* (мн. ч. от нем. *Amt* ‘служба, должность’) и *беруфы* (мн. ч. от нем. *Beruf* ‘профессия’) [Жданова 2006: 94]. Использование немецких лексических единиц вместо существующих русских удобно из-за их краткости. Часто немецкое составное слово не только короче русского, но и обозначает реалии, несуществующие в русскоязычных странах. Так, студенты очень часто употребляют в их русской речи немецкое слово *Prüfungsamt* из-за отсутствия в российских

¹ При этом нужно упомянуть, что здесь не учитывается отрицательная оценка, дающаяся с пуристической точки зрения и определяющая все эти явления как ошибки.

университетах организации, занимающейся только экзаменационными вопросами. В этом случае речь идет о заполнении лексических пробелов.

Типичными примерами тому являются немецкие культурные реалии, такие, как празднование Рождества. В речи эмигрантов эти реалии обозначаются лексемами *вайнахтский* рынок, *вайнахтский* праздник/ стол, *вайнахтская* культура (от нем. *Weihnachten* 'рождество'). Сюда же относится и заимствование лексемы *кнайпа*/ *кнайпе* (от нем. *Kneipe*):

(4) «Они пошли в *кнайпу* и поужинали» [Meng/ Protassova 2003: 182].

Также немецкий *Termin* (назначение встречи, встреча, срок, дата) прочно вошел в обиход эмигрантов. Русский ежедневник, документирующий такого рода встречи и мероприятия, заменяется при этом на немецкий *терминкалендер*:

(5) «Может на пасхальную субботу и забьём *термин?*» (...); «Надо будет на работе *терминкалендер* посмотреть» [URL: talks.guns.ru/forummessage/220/584319-5.html, дата обращения: 23.01.2013].

Поэтическая функция языка играет роль, как уже упоминалось, в пародийном преломлении речи. Так звучит текст одной из песен «банды», который мы находим на «сервере странников»¹:

(6) «Блауе вагон бежит и швингает
И дер шнельцуг набирает ход
А варум же этот день фершвиндает
Золь он зих хинциен целый год
Тепихом-тепихом дальний вег стелится
И упирается в блауер химелёк
Едому-едому в бессере глаубится
Ролится-ролится блауер цуганёк»
[URL: <http://www.strannik.de/quelia/wagen.htm>, дата обращения: 23.01.2013].

Здесь очевидно, что языковое смешение представляет собой речь в грамматическом плане русскую, налагающуюся на немецкую лексику. Подобное смешение соответствует в классификации Бэкера или Головки типу «*inter-twined language*», в котором грамматика принадлежит одному языку, а лексика заимствована из другого языка [ср. Bakker 2003; ср. Golovko 2003: 194–195]. Так, например, глагол в русском 3-ем лице ед. ч. *швингает* образован от нем. *schwingen* 'качаться'. Немецким лексемам *Zug* 'поезд' или *Himmel* 'небо' присваивается русский уменьшительно-ласкательный суффикс

¹ Название «странник», с одной стороны, указывает на «странность», т.е. экзотичность говорящих смешанной речью, с другой стороны, на языковую игру с лексической единицей «иностранный».

(цуганёк, химелёк). Русский возвратный глагол в 3-ем лице ед.ч. *катится* заменяется в корне на немецкий (*sich*) *rollen* – *ролится* и т.д.

Таким образом, наряду с классификацией языковых явлений по их функциям можно систематизировать собранные примеры и по отдельным феноменам, касающимся системы языка, в первую очередь, лексики, морфологии и синтаксиса.

С выше названной профессиональной сферой связано широкое употребление существительного *Bewerbung* (мн.ч. *Bewerbung'u*, рус. *резюме*) и образованного от него глагола *бевербоваться* (ср. нем. *sich bewerben*, рус. *подавать документы*), встречающегося во всех временных формах и наклонениях:

- (7) «Анонимный *Bewerbung*» (...); «Их *Bewerbung'u* «первыми выпадают из стопки» [URL: <http://www.partner-inform.de/index.php/partner/detail/2011/2/195/4728>, дата обращения: 23.01.2013]
- (8) «буду *бевербоваться* на *вербунгманангера*» [URL: <http://turism-miras.ru/jbje-turism16-miras860849.htm>, дата обращения: 23.01.2013].
- (9) «Я *бевербовался* в Коммерцбанк» [URL: www.it-ru.de/forum/viewtopic.php?t=149010, дата обращения: 23.01.2013].
- (10) «Так что *бевербуйся* как можно быстрее!!» [URL: forum.33b.ru/printTopic23772_0.html, дата обращения: 23.01.2013].

В примерах этого типа речь идет и о принципе экономии в смешении речи, и о реалиях, с которыми эмигранты столкнулись впервые в Германии. Подобное мы наблюдаем и в случае с лексемой *ангебот* (нем. *Angebot* ‘специальное предложение, скидка’). От немецкого существительного в немецко-русском русском может образовываться прилагательное *ангеботное* (*ангеботное* печенье, *ангеботный* альбом) и переноситься конструкция *im Angebot* — *в ангеботе* [ср. Болль-Палиевская]. Иногда за лексическим заимствованием кроется неправильный перевод, в результате чего возникают так наз. ложные друзья:

- (11) «*Ноты?* Не все ли равно какие *ноты?*» (имеются ввиду не музыкальные ноты, а оценки) [Beger 2010: 31].
- (12) «А я вот тут хотел *зарекламирровать* этот прибор, что у вас купил» (предъявить рекламу) [URL: <http://war.podruzhka23.forum24.ru/?1-11-0-00000011-000-0-0>, дата обращения: 23.01.2013].

Интересным представляются так наз. «квазилатинизмы». Это слова латинского происхождения в немецком языке, которые перенимаются в русский и подстраиваются под его грамматический строй. Здесь не совсем понятно, уверены ли носители смешанной речи в том, что такие латинизмы, как *кри-*

тировать ('вводить в заблуждение'), *решишировать* ('собирать информацию'), существуют в русском языке или что они прибегают к языковой игре. В случае с выражением *не эритуруй меня*, например, вторая причина кажется более весомой, так как она напоминает известную цитату из фильма «Подкидыш»: *Муля, не нервируй меня*.

Анализ примеров показывает, что имя существительное, заимствованное из немецкого, перенимает маркировку русского рода, числа и падежа (*требование Sozialamt'a, Bewerbung'и* и т.д.). Имя прилагательное тоже склоняется согласно русской парадигме (*вихтижный платц, ангеботное печенье, немало байшпилей берюмнутаго фольклора*). Наречие имеет те же формы, какие мы имеем в русском языке (*вармно, моргенон* и т.д.). Глагол, имеющий немецкий корень, способен образовывать вид, наклонение и все временные формы, характерные для русского языка. Так, в устной речи и в интернете часто встречаются такие формы, как *реновировать* – *отреновировать* (от нем. *renovieren* 'ремонттировать'), *шпайшерить*, *шпайшеровать* – *зашпайшерить* (от нем. *speichern* 'сохранять'), *шафовать*, *шафать* – *сшафать* (от нем. *schaffen* 'успевать'). Характерно образование видовых пар с приставкой *по-*, указывающей на краткость того или иного действия: *потринькать* (от нем. *trinken* 'пить'), *поессать* (от нем. *essen* 'есть'). Типично и образование временных форм по образцу: *бевербуюсь* – *бевербовался* – *буду бевербоваться* (от нем. *sich bewerben*), *анмелюдуюсь* – *анмельдовалась* (от нем. *sich anmelden*).

Кроме лексических заимствований и их адаптации к русской морфологической системе, в речи эмигрантов встречаются и синтаксические интерференции. Особенно часто синтаксический перенос наблюдается в конструкциях с глаголами *делать* (от нем. *tachen*), *получать* (от нем. *bekommen*) и *мочь*, *уметь* (от нем. *können*). Вместо русского словосочетания *сдавать экзамены* — *делать экзамены* (от нем. *eine Prüfung tachen*), вместо *проходить практику* — *делать практику* (*ein Praktikum tachen*), вместо *родить ребенка* – *получить ребенка* (от нем. *ein Kind bekommen*) и т.п. [ср. Goldbach 2005: 56; Жданова 2006: 78]. Перенимается и немецкая синтаксическая конструкция с безличным местоимением *ман*. По этому образцу строятся безличные предложения типа [по Жданова 2006: 82]:

- (13) «В России *ман* делает ...» (от нем. *man macht* 'делают').

Кроме того, встречаются целые устойчивые словосочетания и цитаты-вставки:

- (14) «Я себе в Германии так много *геданков* делаю» (от нем. *sich Gedanken machen* 'думать, размышлять') (пример из устной речи — М. Ш.).

- (15) «Это потому, что он *in mich verliebt*, говорит» (от нем. *in mich verliebt* 'влюбиться') [Goldbach 2005: 48].

Характерно, что языковое смешение наблюдается и на уровне прагматики. Особенно четко мы это видим в употреблении немецких частиц и прагма-лексем:

- (16) «Ну *dann tschüss*, пока» ('Ах так, ну тогда пока') [Жданова 2006: 83].
(17) «Спроси его, он *bestimmt* (рус. *наверняка*) знает» [там же].
(18) «Тебе холодно! – Нет, мне не холодно, я же крепкая немка. – *Дох* (рус. *все же*), тебе холодно» [Goldbach 2005: 61].

Приведенные примеры свидетельствуют об определенной системности, просачивающейся хотя бы в повторении одних и тех же лексических, грамматических и синтаксических единиц и конструкций разными носителями языка и в разных ситуациях. Ответ на вопрос «имеет ли эта коллективная системность потенциал субстандарта?» во многом зависит от влиятельных факторов и возможен на данном этапе только в форме спекулятивных сценариев.

То, что смешанный идиом сойдет со сцены немецко-русской коммуникации и уступит место либо одному либо другому (немецкому или русскому) литературному языку, маловероятно. Ибо смешанная речь отвечает коммуникативным потребностям ее носителей и экономическому принципу языка, а кроме того является отличительным признаком эмигрантов и частью их самоидентификации.

Следующий вариант — развитие на этой основе кодифицированного креола и (микро)языка меньшинств в Германии — на первый взгляд маловероятно из-за динамичности языковой общности, не образующей этноса. Кроме того, здесь нужно учесть важный признак смешанной речи, по которому *ad hoc*-образования — нормальные явления. Грамматическая и лексическая кодификация в серьезном, а не в шуточном варианте, как в словаре «Квели», на данном этапе противоречит коммуникативному характеру немецко-русского русского идиома, в котором наблюдаются структурные закономерности на уровне *parole*, но еще не нормы на уровне *langue*.

4. Трилингвизм транскультурной личности

Размышляя о дальнейшем развитии смешанной речи, следует учитывать прежде всего такой критерий, как престиж. Если носители немецко-русского русского будут оценивать свою речь как «плохой русский», то укорениться этому идиому будет сложно. Другое дело, если они будут рас-

смаывать их речь как одну из полноправных форм коммуникации (наряду с русским и немецким литературным языком) и делать упор на критерии самоидентификации, т.е. принадлежности к одной группе. В этом случае может развиться новая культурно-языковая общность, говорящая на новом языке, обладающем высоким символическим потенциалом. Будущее этого идиома не в монолингвизме, не в двуязычии, а скорее всего в трилингвизме, в котором немецкий и русский и немецко-русский русский языки будут употребляться в разных коммуникативных ситуациях и с разными коммуникативными целями.

В настоящее время оценка смешанной речи может быть отрицательной (напр., Боль-Палиевская), но и положительной. Последняя не так редко встречается на различных форумах. Показательными являются следующие примеры:

- (19) «А я в смешивании языков не вижу ничего страшного. Так проще объясняться с соотечественниками, живущими рядом. (...) Если я общаюсь на 'официальном' уровне, тогда конечно язык должен быть чистым, а если с друзьями или в семье, то почему нет?» [<http://www.urok-russkogo.ru/?page=41>, дата обращения: 22.01.2013].
- (20) «на форуме люблю писать ближе к разговорному языку... а не литературным... мне лично так больше нрааавится» [там же, дата обращения: 22.01.2013].

Примеры иллюстрируют, что смешивание допускается и положительно оценивается в основном как составляющее разговорной и обиходной речи (19), включая полуустную интернет-коммуникацию (20). В оценке пишущих смешивание просто облегчает жизнь. Но в примере (19) уже видно, что оно выполняет еще и важную социальную функцию. Посредством смешивания выражается близость между коммуникантами. В данном высказывании речь идет только об общении с друзьями и в семье, об особой групповой идентичности не говорится. Хотя смешанный идиом может служить как раз и этой цели.

В своем эмпирическом исследовании финнорусского Е. Протасова замечает, что

«(...) через смешение языков говорящим удастся более адекватно выразить и самих себя, и свое отношение к происходящему» [Протасова 2004: 26].

Подобным образом Е. Головкин определяет смешанный язык мигрантов «внутригрупповым маркером» (group identity marker) [Golovko 2003: 191]. Смешанный идиом выражает новую групповую идентичность, отличающуюся от окружающей культуры. В этой связи характерно положитель-

ное отношение к новой культуре и новому обществу. Как таковой смешанный идиом можно считать идеальным средством самовыражения межкультурной личности, которая принадлежит не только одной, но разным культурам [Welsch 1995, ср. Erfurt 2003: 2005b; Hinnenkamp 2005; Hinnenkamp, Meng 2005; Kuße 2012: 258–263].

Для обеспечения социальной цели коммуникации, стремящейся выразить и утвердить особую межкультурную групповую идентичность, смешанный идиом выполняет в первую очередь *фатическую (контактную)* и *поэтическую коммуникативные функции*. Здесь имеется в виду известная типология коммуникативных функций в изложении Р. Якобсона [Jakobson 1960], в которой задача фатической функции определяется как установление, подтверждение и сохранение контакта. Фатическую коммуникативную цель смешанный идиом достигает именно тем, что он придает группе, говорящей на нем, такую социальную стабильность, которая позволяет сохранить и продолжение ее внутренней коммуникации. Еще важнее, может быть, является поэтическая функция, которая выражается в сосредоточивании на форме сообщения.

Среди языковых форм, реализующих поэтическую функцию, немаловажная роль принадлежит языковой игре [к теме языковой игры см.: Норман 2006]. В употреблении смешанного идиома игра движется от периферии к центру языковой коммуникации, на что обратил внимание еще Л. Щерба, утверждая, что мы используем смешивание «шутки ради или для того, чтобы сделать более выразительным наш язык» [Щерба 1974 (1936): 72].

Разумеется, что немецко-русский русский идиом не является языком в смысле развитого литературного языка [см. Rehder 1995], но он может развиваться дальше в сторону не вполне функционального микроязыка в понимании А. Д. Дуличенко [Дуличенко 1981; 2000; 2008]. Это возможно при допуске и признании того, что язык и речь проявляются не только в информативной и референциальной, выразительной и апеллятивной функциях коммуникации, но и в поэтической функции. Исходя из этого, можно предположить, что немецко-русский русский находится на пути к поэтическому микроязыку.

Литература

Anstatt, Dieser 2007 — *Sprachmischung und Sprachtrennung bei zweisprachigen Kindern. Am Beispiel des russisch-deutschen Spracherwerbs*. Mehrsprachigkeit bei Kindern und Erwachsenen. Erwerb, Formen, Förderung. Tübingen: Attempo Verlag, 139–162.

- Bakker 2003 — P. Bakker. *Mixed languages as autonomous systems*. The Mixed Language Debate. Theoretical and Empirical Advances. Berlin/ New York, 107–150.
- Beger 2010 — M. Beger. *Deutsche Einflüsse im deutsch-russischen Russisch*. Dresden. (неопубликованная работа на получение степени магистра).
- Berend 1998 — N. Berend. *Sprachliche Anpassung. Eine soziolinguistisch-dialektologische Untersuchung zum Rußlanddeutschen*. Tübingen: Gunter Narr.
- Blankenhorn 2003 — R. Blankenhorn. *Pragmatische Spezifika der Kommunikation von Russlanddeutschen in Sibirien: Entlehnung von Diskursmarkern und Modifikatoren sowie Code-switching*. Frankfurt am Main u.a.
- Bolton, Kachru 2006 — K. Bolton, B. B. Kachru (eds.). *World Englishes: Critical concepts in linguistics*. London: Routledge.
- Brehmer 2007 — B. Brehmer. *Sprechen Sie Qwelja? Formen und Folgen russisch-deutscher Zweisprachigkeit in Deutschland*. Mehrsprachigkeit bei Kindern und Erwachsenen. Erwerb, Formen, Förderung. Tübingen: Attempto Verlag, 163–185.
- Brehmer, Ždanova 2007 — B. Brehmer, V. Ždanova. *Zum Problem der Sprachkompetenz bilingualer Migranten mit Russisch als Erstsprache*. Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik POLYSLAV. München: Sagner, 188–198.
- Erfurt 2003 — J. Erfurt (Hg.). *'Multisprech': Hybridität, Variation, Identität*. Osnabrück: Redaktion OBST.
- Erfurt 2005a — J. Erfurt. *Frankophonie: Sprache, Diskurs, Politik*. Tübingen, Basel: Francke.
- Erfurt 2005b — J. Erfurt (Hg.). *Transkulturalität und Hybridität: l'espace francophone als Grenzerfahrung des Sprechens und Schreibens*. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang.
- Földes 2005 — C. Földes. *Kontaktdeutsch: Zur Theorie eines Varietätentyps unter transkulturellen Bedingungen von Mehrsprachigkeit*. Tübingen: Gunter Narr.
- Fredstet 2008 — E. Fredstet. *«We make such a mishmash» Bilingual language usage in class room peer group talk*. Contrastive Pragmatics: Interlanguage and Cross-Cultural Perspectives. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 181–207.
- Fredstet 2009 — E. Fredstet. *Sprachen und Kulturen in Kontakt — deutsche und dänische Minderheiten in Sønderjylland/ Schleswig*. Neben Deutsch. Die autochthonen Minderheiten- und Regionalsprachen Deutschlands. Bochum: Universitätsverlag Dr. N. Brockmeyer, 1–23.
- Goldbach 2005 — A. Goldbach. *Deutsch-russischer Sprachkontakt: deutsche Transferenzen und Code-switching in der Rede Russischsprachiger in Berlin*. Frankfurt am Main u.a.: Peter Lang.
- Golovko 2003 — E. V. Golovko. *Language contact and group identity: The role of «folk» linguistic engineering*. The Mixed Language Debate. Theoretical and Empirical Advances. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 177–208.
- Hinnenkamp 2008 — V. Hinnenkamp. *«Zwei zubir miydi?» — Mischsprachliche Varietäten von Migrantenjugendlichen im Hybriditätsdiskurs. Sprachgrenzen überspringen: sprachliche Hybridität und polykulturelles Selbstverständnis*. Tübingen: Gunter Narr, 51–103.

- Hinnenkamp, Meng 2005 — V. Hinnenkamp, K. Meng (Hg.). *Sprachgrenzen überspringen: sprachliche Hybridität und polykulturelles Selbstverständnis*. Tübingen: Gunter Narr.
- Jakobson 1960 — R. Jakobson. *Linguistics and Poetics. Style in Language*. New York: Wiley, 350–377.
- Kachru 1992 — B. Kachru (ed.). *The other tongue. English across cultures*. Urbana et al.: University of Illinois Press.
- Karl 2012 — K. B. Karl. *Bilinguale Lexik. Nicht materieller lexikalischer Transfer als Folge der aktuellen russisch-deutschen Zweisprachigkeit*. München, Berlin, Washington, D.C.: Otto Sagner.
- Kuße 2011 — H. Kuße. *Jan Baudouin de Courtenay und die korrelative Sprachbeschreibung. Лингвокультурное пространство современной Европы через призму малых и больших языков. К 70-летию профессора Александра Дмитриевича Дуличенко*. Tartu: Tartu University Press, 86–102.
- Kuße 2012 — H. Kuße. *Kulturwissenschaftliche Linguistik. Eine Einführung*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht.
- Levkovych 2012 — N. Levkovych. *Po-russki in Deutschland. Russisch und Deutsch als Konkurrenten in der Kommunikation mehrsprachiger Gruppen von Personen mit postsowjetischem Hintergrund in Deutschland*. Bochum: Universitätsverlag Brockmeyer.
- Matras, Bakker 2003 — Y. Matras, P. Bakker (eds.). *The Mixed Language Debate. Theoretical and Empirical Advances*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter.
- Meng 2001 — K. Meng. *Russlanddeutsche Sprachbiografien. Untersuchungen zur sprachlichen Integration von Aussiedlerfamilien*. Tübingen: Gunter Narr.
- Meng, Protassova 2005 — K. Meng, E. Protassova. *Aussiedlerisch: Deutsch-russische Sprachmischungen im Verständnis ihrer Sprecher. Sprachgrenzen überspringen: Sprachliche Hybridität und polykulturelles Selbstverständnis*. Tübingen: Gunter Narr, 229–267.
- Müller 1975 — B. Müller. *Das Französische der Gegenwart. Varietäten – Strukturen – Tendenzen*. Heidelberg: Winter.
- Pabst 2007 — B. Pabst. *Russisch-deutsche Zweisprachigkeit als Phänomen der multikulturellen Gesellschaft in Deutschland*. Frankfurt am Main u.a.: Peter Lang.
- Platt, Weber, Lian 1984 — J. Platt, H. Weber, H. M. Lian. *The New Englishes*. London u.a.: Routledge, Kegan Paul.
- Polinsky 2000 — M. Polinsky. *The Russian Language in the USA. Sprachwandel in der Slavia. Die slavischen Sprachen an der Schwelle zum 21. Jahrhundert. Ein internationales Handbuch*. Bd. 2. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang, 787–803.
- Rehder 1995 — P. Rehder. *Standardsprache. Versuche eines dreistufigen Modells*. Die Welt der Slaven, Nr. 40, 352–366.
- Rethage 2012 — W. Rethage. *Strukturelle Besonderheiten des russischen in Deutschland. Kontaktlinguistische und soziolinguistische Aspekte*. München, Berlin, Washington, D.C.: Otto Sagner.
- Thomason 2001 — S. G. Thomason. *Language Contact. An Introduction*. Washington, D.C.: Georgetown University Press.

Thomason 2003 — S. G. Thomason. *Social factors and linguistic processes in the emergence of stable mixed languages*. The Mixed Language Debate. Theoretical and Empirical Advances. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 21–40.

Tétu 1997 — M. Tétu. *Qu'est-ce que la Francophonie?* Vanves: Hachette-Edicef.

Welsch 1995 — W. Welsch. Transkulturalität. *Zur veränderten Verfaßtheit heutiger Kulturen*. Zeitschrift für Kulturaustausch, 45/1, 39–44. [URL: http://www.forum-interkultur.net/uploads/tx_textdb/28.pdf]

Wolton 2006 — D. Wolton. *Demain la francophonie*. Paris: Flammarion.

Бодуэн де Куртенэ 1963 (1900/1901) — И. А. Бодуэн де Куртенэ. *О смешанном характере всех языков (вступительная лекция, С.-Петербургский университет, 21-е сентября 1900 г.)*. Избранные труды по общему языкознанию. Москва: АН СССР, 362–372.

Больш-Палиневская — Д. Больш-Палиневская. «Ангеботное печенье», или как мы обращаемся с родным языком. URL: http://www.russian-online.net/ru4ki/de_start/blog/texte.php?auswahl=kekse_im_angebot (дата обращения 22.01.2013).

Дуличенко 1981 — А. Д. Дуличенко. *Славянские литературные микроязыки. Вопросы формирования и развития*. Таллин.

Дуличенко 2000 — А. Д. Дуличенко. *Славянские микроязыки в Европе на пороге XXI века*. Sprachwandel in der Slavia. Die slavischen Sprachen an der Schwelle zum 21. (Jahrhundert. Ein internationales Handbuch. Bd. 2). Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang, 843–852.

Дуличенко 2008 — А. Д. Дуличенко. *Статус и проблемы развития славянских микроязыков в контексте современной Микрославии*. Славянское языкознание: покидая XX век. К XIV международному съезду славистов (Охрид, 10–16.09.2008). Tartu University Press, 63–95.

Жданова 2006 — В. Жданова. *Русская культурно-языковая модель пространства и особенности индивидуальной ориентации в ней*. Русские и «русскость». Лингво-культурологические этюды. Москва: Гнозис, 5–178.

Земская 2001 — Е. А. Земская (отв. ред.). *Язык русского зрубужья. Общие процессы и речевые портреты*. Москва/Вена: Языки славянской культуры/Wiener Slawistischer Almanach.

Менг, Протасова 2002 — К. Менг, Е. Протасова. *Языковая интеграция российских немцев в Германии*. Известия РАН, т. 61, Серия литературы и языка, № 6, 29–40.

Норман 2006 — Б. Ю. Норман. *Игра на гранях языка*. Москва: Флинта/Наука.

Протасова 2006 — Е. Ю. Протасова. *Немецко-русское двуязычие. Особенности русского языка у живущих в Германии*. Русистика сегодня, Москва, 2006, 1, 51–71.

Протасова 2004 — Е. Ю. Протасова. *Феннороссы: жизнь и употребление языка*. Санкт-Петербург: Златоуст.

Шиндлер 2001 — Н. Шиндлер. *О русском языке трех волн эмиграции*. Deutsch-russischer Dialog in den Philologien. Frankfurt am Main u.a.: Peter Lang, 343–357.

Щерба 1974 (1936) — А. В. Щерба. *О понятии смешения языков*. Языковая система и речевая деятельность. Ленинград: Наука, 60–74.

(< эст. *Eesti vahetab infot*), *потеря* (вместо: *лишение*) *свободы* (< эст. *vabadusekaotus*), *скорые* (вместо: *скоростные*) *катера* (< эст. *kiirkaatrid*), *принадлежат в профсоюз* (< эст. *kuuluta ametiühingusse*), *из них стали пираты* (< эст. *neist said piraadid*) и т.п. При свободном речепорождении (не связанным эстонским образцом) те же студенты не допускают подобных ошибок, хотя используют кальки, варваризмы и эстонские вкрапления (*дигирецент, больничная касса, поедем в Лыунакескус¹*)², а также иные нарушения нормы, не вызванные влиянием эстонского языка (*рассмотрев обстоятельства дела, установлено..., хочу сказать то, что... и т.д.*).

Такое положение легко объяснимо: из-за того, что начинающие переводчики не овладели в достаточной мере техникой перевода, в переведенных ими текстах особенно сильно **влияние исходного языка**, которое ведет к отклонениям от нормы русского литературного языка. Отсутствие же таких нарушений в оригинальных текстах свидетельствует об их несистемном характере. Разумеется, чем выше мастерство переводчика, тем меньше интерференция, но избежать ее полностью, как уже было сказано, практически невозможно.

Следовательно, говоря о языке диаспоры, необходимо различать факты системные (языковые), т.е. вошедшие в узус, и факты окказиональные. Первые действительно отражают специфику языка диаспоры как определенной подсистемы русского (литературного) языка и характеризуются, по меньшей мере, тремя свойствами:

- воспроизводимостью,
- регулярностью (частотностью) и
- семантической определенностью (адекватностью интерпретации всеми носителями идиома).

Вторые — вне системы языка, хотя и характеризуются определенной систематичностью. Однако эта систематичность — результат типичных «трудностей перевода» в конкретной паре языков. Станет ли некоторое переводческое решение достоянием языкового коллектива — большой вопрос. Собственно, закономерности перехода явлений одного порядка в явления другого — отдельный аспект изучения языка диаспоры, который требует большего внимания, чем ему уделялось до сих пор. Многими исследователями неоднократно отмечалось, что инновации сначала появляются в переводе, потом — в оригинальных текстах. Но пока только ждут своих

¹ Lõunakeskus — название крупного торгового центра в Тарту, букв. «Южный центр».

² Их употребление обусловлено как содержательными, так и прагматическими факторами. См. об этом, напр., в [Костанди 2009].

ответов вопросы о масштабах, возможностях и скорости влияния языка перевода с его спецификой на узус диаспоры.

Наиболее очевидны в кругу этих проблем функциональные сферы, в которых элементы перевода (в том числе и вызывающие серьезную критику с точки зрения их нормативности) наиболее легко проникают в узус. Очевидность этих сфер предопределена функциональной спецификой русского языка в Эстонии.

В 1995 г. в Эстонии был принят Закон о языке, согласно которому государственным языком является эстонский язык. Соответственно, все делопроизводство (на разных уровнях) ведется на эстонском языке, что обуславливает вторичность текстов на русском языке. Иными словами все официальные документы, названия организаций, учреждений, ведомств, наименования услуг, продуктов, товаров и т.д. первоначально появляются на эстонском языке, а на русский язык **переводятся**¹.

Тут целесообразно обратить внимание на характер и качество переводов. Во-первых, и это надо подчеркнуть особо, помимо профессионального (на заказ) перевода, в эстонской языковой ситуации велика доля непрофессионального (бытового, спонтанного) перевода. Монолингв² в иноязычном окружении обречен на постоянный перевод. При этом ни о какой переводческой подготовке речь, разумеется, не идет и идти не может. Кроме того, человек совсем не обязательно осознает, что занимается переводом. Такой перевод может быть назван **наивным**. Сути дела это, однако, не меняет: текст (элемент текста) на русском языке оказывается вторичным по отношению к эстонскому, т.е. между русским текстом (элементом текста) и окружающей действительностью стоит эстонский текст (элемент текста), отражающий эту действительность, характерным для него образом. Поскольку наивный перевод³ осуществляется преимущественно в устной форме и, как уже упоминалось, в бытовых ситуациях, наиболее частотные лексемы, словосочетания (но не конструкции!) довольно быстро утверждаются в разговорном узусе, избавляя человека от необходимости переводить.

«Профессиональный» перевод отличается от наивного прежде всего тем, что это осознанная целенаправленная деятельность по перекодирова-

¹ В частности об «утрате языком диаспоры собственно номенклатурной сферы существования» и ее следствиях см. [Паликова 2009, 154].

² Под монолингвом мы понимаем лицо, свободно владеющее и/или активно пользующееся только одним из языков, представленных в актуальной языковой ситуации.

³ Под переводом здесь можно понимать любое решение «переводящего», в т.ч. кальки и непосредственные заимствования.

нию текста средствами другого языка. Но за «профессиональностью» далеко не всегда стоит **профессионализм**. Рынок переводческих услуг в Эстонии — его русский сегмент — в последние десятилетия складывался таким образом, что спрос на качество был и остается в целом очень низким. Не станем здесь отвлекаться на анализ причин такого положения, ограничившись констатацией этого обстоятельства. Отсутствие контроля за качеством позволяет профессионально заниматься переводом людям без соответствующей технической подготовки и с недостаточной (русской) языковой компетенцией. В результате мы наблюдаем очень сильную интерференцию в переведенных с эстонского языка текстах, будь то рекламное объявление, данные о частных фирмах или общественно-правовых учреждениях, или материалы на сайтах государственных служб (правительства, министерств, департаментов и т.д.).

Причем именно в профессиональном переводе, по нашим наблюдениям, интерференция проявляется чаще и масштабнее, чем в наивном, затрагивая все уровни языка, приводя к появлению форм, неверных с точки зрения нормы ПЯ. По-видимому, дело в том, что «непреднамеренность» наивного перевода позволяет говорящему оставаться преимущественно в пространстве русского языка, таким образом, порождение речи происходит в условиях действующего нормативного фильтра, т.е. в соответствии с нормой литературного языка **в той мере, в которой она усвоена** данным индивидом. Иными словами, наивный перевод чаще ведет к нарушениям узуса, а не нормы. Ситуация профессионального перевода способствуют большему погружению переводчика в стихию ИЯ, в результате языковое чутье притупляется, что ведет к отклонениям от нормы ПЯ.

Любопытные явления происходят и при столкновении наивного и профессионального переводов. С одной стороны, их результаты (найденные эквиваленты) могут совпадать. В этом случае у найденной единицы есть все предпосылки для закрепления в узусе. С другой стороны, их результаты могут различаться и вступать в конкурентные отношения. Подобная конкуренция может привести к утверждению в системе обоих вариантов с их стилистической дифференциацией (разг. *хайгекасса* — офиц. больничная касса); может тормозить входение в узус обоих; один из вариантов может быть вытеснен, а второй становится общепотребительным.

Данные замечания об отношениях вариантов наивного и профессионального перевода носят характер предварительных наблюдений. Для более конкретных и точных выводов проблеме следует рассматривать отдельно. Необходимо обратить внимание и на то, что хороший переводчик также не является спасением от форм, возникшим в результате интерферен-

ции. Чем профессиональнее переводчик, тем внимательнее он следует традиции предшественников (ориентируется на прецедент). На этом часто настаивает и заказчик, даже если переводчик обращает его внимание на неудачность прежних переводческих решений.

Из сказанного следует, что чем больше область покрытия переводом определенной сферы, и чем актуальнее эта сфера для русскоязычного населения Эстонии, тем скорее усваивается «язык перевода» со всеми его особенностями (напр., сфера банковских, медицинских услуг). Иными словами, вызванные интерференцией в переводе определенные отклонения от нормы (качественные или количественные) становятся фактами **языка** диаспоры, т.е. порождаются и в созданных в Эстонии оригинальных текстах на русском языке.

Тем не менее, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что далеко не каждая форма или конструкция, появившаяся в переводном тексте, находит себе место в **системе языка** диаспоры. В случае если в качестве материала исследования языка диаспоры привлекаются тексты, переведенные на русский язык с эстонского, нарушения литературной нормы, которые нередко расцениваются как изменения, происходящие в русском языке под влиянием эстонского, могут быть проявлением межъязыковой интерференции в переводе¹. А неудачный перевод — это только неудачный перевод.

Не вызывает сомнений, что и изучение ошибок, тем более частотных (и даже систематических), в переводах с эстонского языка на русский, и особенности языка диаспоры — объекты, достойные самого пристального внимания исследователей. Однако они представляют собой явления, хотя и взаимосвязанные, но разные по своей лингвистической природе.

Литература

Адамсон 2009 — И. В. Адамсон. *Динамические процессы в лексике таллинских газет на русском языке (на примере двуязычных изданий)*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII. Humaniora: Lingua russica. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. Тарту, 29–44.

Алексеева 2010 — И. С. Алексеева. *Введение в переводоведение*. Москва – Санкт-Петербург.

Бархударов 1975 — Л. С. Бархударов. *Язык и перевод*. Москва.

Гарбовский 2007 — Н. К. Гарбовский. *Теория перевода*. Москва.

¹ В настоящей статье мы не затрагиваем тех нарушений нормы, которые могут быть объяснены без обращения к эстонскому языку, т.е. являются проявлением слабой языковой компетенции или очень либеральным отношением к норме, что характерно и для метрополии.

Евстратова 2000 — С. Б. Евстратова. *Особенности функционирования лексики в русскоязычной прессе Эстонии*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия III. Язык диаспоры: проблемы и перспективы. Тарту, 159–165.

Евстратова 2002 — С. Б. Евстратова. *Экспрессивная лексика в русскоязычной прессе Эстонии*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия VI. Проблемы языка диаспоры. Тарту, 82–90.

Земская 2001 — Е. А. Земская. *Язык русского зарубежья: итоги и перспективы исследования*. Русский язык в научном освещении, Москва, № 1, 114–131. <http://www.philology.ru/linguistics2/zemskaya-01.htm> (17.02.2013).

Комиссаров 2011 — В. Н. Комиссаров. *Современное переводоведение*. Москва.

Костанди 2002 — Е. И. Костанди. *Синтаксические особенности перевода (на материале эстонско-русских переводных художественных текстов)*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия VI. Проблемы языка диаспоры. Тарту, 124–134.

Костанди 2009 — Е. И. Костанди. *Роль прагматических факторов в формировании особенностей речи диаспоры*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII. Humaniora: Lingua russica. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. Тарту, 65–81.

Костанди 2011 — Е. И. Костанди. *Референция и номинация — проблемы выбора в иноязычной среде*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XIV. Humaniora: Lingua russica. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. Тарту, 142–159.

Кюльмоя 2009 — И. П. Кюльмоя. *Речи русской диаспоры Эстонии: тенденции развития*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII. Humaniora: Lingua russica. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. Тарту, 11–28.

Паликова 2009 — О. Н. Паликова. *Русский язык в рекламных каталогах Эстонии*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII. Humaniora: Lingua russica. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. Тарту, 143–168.

Перепись 2011 — *Перепись населения и жилых помещений*. Департамент статистики Эстонии http://www.stat.ee/rel-2011-157?parent_id=39107 (17.02.2013)

Труды 2000 — *Труды по русской и славянской филологии*. Лингвистика. Новая серия III. Язык диаспоры: проблемы и перспективы. Тарту.

Труды 2002 — *Труды по русской и славянской филологии*. Лингвистика. Новая серия VI. Проблемы языка диаспоры. Тарту.

Труды 2009 — *Труды по русской и славянской филологии*. Лингвистика XII. Humaniora: Lingua russica. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. Тарту.

Щаднева 2002 — В. П. Щаднева. *Языковые качества русскоязычных изданий Эстонии*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия VI. Проблемы языка диаспоры. Тарту, 297–307.

Щаднева 2009 — В. П. Щаднева. *О месте и лингвистических особенностях русских официально-деловых текстов в языковой ситуации современной Эстонии*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XIV. Humaniora: Lingua russica. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. Тарту, 11–28.

ской филологии. Лингвистика XII. Humaniora: Lingua russica. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. Тарту, 224–242.

Щаднева, Кудрявцев 2011 — В. П. Щаднева, Ю. С. Кудрявцев. *Языковые нормы и речевые аномалии: к вопросу о вариативности языковых средств в языке метрополии и диаспоры*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XIV. Humaniora: Lingua russica. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. Тарту, 246–265.

MEDPROPOZICIJSKOST V SLOVENŠČINI

ANDREJA ŽELE

Slovenski jezik – propozicija – medpropozicijskost – priredno in podredno razmerje – konektorji

Propozicija oz. pomenska podstava (s povedjem in udeleženci) je temeljna pomenska enota besedila — iz pomenske podstave kot izbornega obsega elementarnih vsebin v poteku upovedovanja nastane besedilo, ki je z dokončno izrazljivo obliko ubesedeni rezultat pomensko-smiselnega sporočanja.¹ V okviru besedilnega sporočila se lahko ločuje dve glavni in hkrati bistveni sestavini oz. dva nosilna teksema: vsebino denotatov (pomen sporočila) in vsebino denotatnih razmerij (smisel in logičnost sporočila).

V tej razpravi je propozicijskost omejena na jezikovno (sistemsko) pomenskost v okviru enega sporočila, ki je navadno stavčna poved.² Propozicijo lahko razlagamo kot logični pomen stavčne povedi in kot intenčno polje povedja [Daneš 1968: 47; 1987: 56]; v zvezi s propozicijo se poudarja zlasti njena «predjezikovna pomenska zgradba», ki propozicijo uvršča na »mišljenjsko ravnino«, ta pa je po eni strani prek inteligence povezana z realnostjo, po drugi strani pa prek jezikovnih pomenov vodi v upovedenje oz. ubeseditiv [Šoltys 1986: 1–2]. V smeri k upovedovanju to propozicijo kot pomensko podstavo oz. bazo sestavlja množica bazičnih in kompleksnih pomenov (vezanih na vsebino entitet) z vzpostavljenimi pomenskimi razmerji [Kořenský 1984: 16]. Z vidika zaključenega sporočila lahko govorimo o istopropozicijskosti in o (širši) medsporočilni neistopropozicijskosti sestavin/ enot nasproti nepropozicijskim sestavinam. Meja med propozicijskostjo in nepropozicijskostjo z vsemi vmesnimi stopnjami se lahko določa znotraj prislovov; poleg pravih prislovov kraja in ča-

¹ V slovenskem jezikoslovju je bila propozicija kot pomenska podstava opredeljena v Novi slovenski skladnji (1982: 225–226) in v neprvih izdajah Slovenske slovnice (v izdaji iz l. 2000 na str. 491) J. Toporišiča.

² Poved izraža določeno propozicijo ali pomensko podstavo, propozicija pa prikazuje določeno dejstvo (SS 2000, 733).

sa, ki so že po organski jezika samostojne propozicijske oz. bazične pomen-ske sestavine, se glede na svojo samostalniško motivacijo med samostojne propozicijske (pomenskospodstavne) prvine uvrščajo tudi t. i. vrstni prislovi¹ tipa *laboratorijsko pregledati, enkrattedensko poročati* nasproti prislovom v vlogi lastnostnih modifikatorjev tipa *temeljito/ dobro pregledati, redno poročati*.

Tipična za besedilo je medpropozicijskost. Medpropozicijskost je sestava propozicij, tj. vzporedje, sonahajanje ali zaporedje (priredno, podredno ali so-redno) vsebin. Sostava oz. tudi različna sovisnost propozicij je sopojavnost povedja in sorazmernost oz. soodnostnost udeležencev (kookurenca in koreferenca med propozicijami). Glede na različno stopnjo sovisnosti propozicij lahko govorimo o medpropozicijski družljivosti (priredje), o medpropozicijski vezljivosti (podredje stavčlenskih propozicij) in medpropozicijski modifikacijskosti (soredje propozicij ali podpredne okoliščinske propozicije).

Medpropozicijskost v slovenščini glede na razmerje med pomensko in izrazno ravnino oz. glede na diatezne zmožnosti slovenščine lahko delimo na izraženo in neizraženo. Medpropozicijskost je natančneje izražena z vezniškimi konektorji, modificirana pa s členkovnimi konektorji. Najbolj tipični ubesedeni označevalci izražene medpropozicijskosti so torej vezniki oz. vezniški konektorji in najbolj tipični označevalci neizražene medpropozicijskosti so členki, ki delujejo kot stavčni ali stavčnočlenski modifikatorji. Členki so zgradbeno-pomensko nestavčne in nadpovedne besede in sodijo med prave konektorje, lastnost vezniških konektorjev (veznikov in drugih vezniških besed) pa je, da izražajo razmerijski pomen oz. posamezni pomen razmerja ali označujejo pomensko razmerje oz. posamezno razmerje pomenov. Izražanje medpropozicijskosti brez veznikov je brezvezje, ki poleg soredja lahko kot skladenjsko stilistično sredstvo izraža tudi vsa priredja.

Izhodiščno merilo medpropozicijskosti v določenem jeziku se presoja glede na skladenjsko-pomenske zmožnosti posameznega jezika

1. Osnovni tipi medpropozicijskosti v slovenskih besedilih

Izhodiščna zgradba propozicije je stavek. Pri obravnavi medpropozicijskih razmerij je treba upoštevati dejstvo, da je priredno razmerje (nasproti podredne-

¹ Tovrstne prislove imenujemo tudi generični prislovi. Po Švedovi (1968: 69) vrstni prislov izraža konkretno okoliščino nasproti abstraktnemu predpovonskemu obrazilu. Pri nas je bilo še najbolj eksplicitno doseženo na pojav, tipologijo in vloge vrstnih prislovov opozorjeno v monografiji Slovensko leksikalno pomenoslovje (A. Vidovič Muha 2000: 76–77). V češčini, kot enem izmed skladenjskopomensko bližjih jezikov, je na vlogo prislovov iz konkretnega samostalniškega pomena med drugimi večkrat opozarjal J. Kořenský (1984: 65).

mu) prvotnejše in vezano na govor; zato ni naključje, da se v priredju najbolj jasno izrazi in ločuje prava vrednost konektorja. V besedilu *Ko so ribiči prišli na kopno, so našli onemoglega Karla. Poklicali so zdravnika, ampak je bilo že prepozno* je pet propozicij, štiri stavke, tri povedi; medpropozicijska razmerja v besedilu so: časovno (*Ribiči so prišli na kopno – Ribiči so našli Karla*), križanje propozicij (*Ribiči so našli Karla – Karel je bil onemogel*), vzročno-posledično (*Karel je bil onemogel – Ribiči so poklicali zdravnika*), protivno (*Ribiči so poklicali zdravnika – Bilo je že prepozno*). Neenakovredna sovisnost propozicij (koherenca) je lahko različno trdno oz. prosto sovezno izražena (kohezija), npr. *Janez je odšel, ker ga je bolela glava – Janez je odšel. Bolela ga je glava* ipd.

Pogoj, da lahko govorimo o konektorjih in koneksiji, je pomensko-smiselna združljivost/ koherenca soobstoječih propozicij; poudarek na pomenski odvisnosti propozicij dá podrednost in poudarek «samo» na pomenskem razmerju dá prirednost. Temeljni tipi medpropozicijskih razmerij so: 1) vsebinska vzporednost (vezalno, protivno, primerjalno, ločno, stopnjevalno, posledično in pojasnjevalno priredje) in vsebinska podrednost (okoliščinska razmerja v smislu prostorsko-časovnih, vzročnih in načinovnih odvisnikov)¹, 2) vključitev propozicije med udeleženske vloge druge propozicije (nominalizacije propozicij v smislu izglagolskih samostalnikov, deležnikov in nedoločnikov, npr. *Pričakujem prihod Janeza, Pričakujem prihajajočega Janeza, Vedno znova prihajati ni za Janeza nič posebnega*), 3) križanje propozicij, npr. *Pričakujem Janeza, da pove, kdaj pride*, 4) združevanje oz. zlivanje propozicij, npr. *Janez prihaja precej nerazporejen*, 5) vključitev določujoče propozicije, npr. *Prihaja Janez, ki ga dobro poznamo* (omejevalna določitev) nasproti *Prihaja Janez, (ki/ in) je precej nerazporejen* (neomejevalna določitev) ipd.

Tako a) udeležensko križanje kot b) zlivanje povedij lahko vodi v koncentracijo propozicijskih razmerij znotraj enostavčne povedi, npr. a) *Videl je Karla, kako izstopa* > *Videl je Karla izstopati* > *Videl je izstopajočega Karla* in b) *Karel se*

¹ V Slovenski slovnici je pomenljiva izjava (*2000: 636): »Ne da se vse povedati v enostavnih povedih.« Iz znotrajpropozicijskega razmerja torej vstopamo v medpropozicijsko razmerje in takrat se lahko govori o stavčnih osebkih, stavčnih povedkovih določilih, stavčnih predmetih, stavčnih povedkovih prilastkih, stavčnih prislovnih določilih; z besednovrstnega vidika pa Slovenska slovnica navaja samostalniške, pridevniške in celo povedkovniške stavke – »povedkov odvisnik je lahko samostalniški, pridevniški ali povedkovniški stavek: Hoditi v šolo pomeni, da si privilegiran, Janez ni ta, za katerega ga imate, Fant je, kot/ da bi ga izrezal iz očeta, Naj bo, da bo vsem prav, To je, tako kot on pravi«. V Slovenski slovnici (*2000: 637>) se odvisniki delijo po več merilih: 1) glede na vsebino (za glagoli rekanja in mišljenja), oziralni, prislovni (prostorski/ mestovni, izhodišča, cilja, razmeščene, količine poti, časovni, količine časa), lastnostni (pravi načinovni, primerjalni, mere oz. Količine, posledični, sredstveni, izvzemalni), vzročnostni (ozirni, vzročni, namerni, pogojni, dopustni), 2) glede na stavčnočlensko vlogo (osebkov, povedkov, predmetni, povedkovoprilastkovni, prilastkov).

je vrnil in bil je bolan > Karel se je vrnil bolan. Vse naštetu pa je možno samo z določenimi možnimi sopojavnostmi glagolov povedku in samo z možnimi sodnosnostmi udeležencev v udeleženskih vlogah [Grepš, Karlík 1998: 355].

Izrazna oz. zgradbena ubeseditvev medpropozicijskih razmerij temelji na treh krovnih izhodiščnih skladijskih vzorcih: 1) besedilna povezava sicer samostojnih stavčnih povedi, 2) priredna zveza stavkov, 2) podredna zveza stavkov in 3) soredna zveza stavkov brez skladijskopomenske soodvisnosti. Ti izhodiščni skladijski vzorci se izrazno in zgradbeno prilagajajo posameznim medpropozicijskim razmerjem glede na možne načine sobivanja zaporednih vsebin (tj. glede na zmožnost sobivanja določenih povedkov in udeležencev v zaporednih propozicijah) in nato še glede na možne konektorje.

1) Medpropozicijska razmerja¹

1.1) Pomenska (vsebinska) vzporednost propozicij

1.1.1) Sorazmerja so izražena s prirednimi in podrednimi vezniki ali besedami v vezniški vlogi (navadno prislovi in členki), s prislovnimi in členkovnimi zvezami v vezniški vlogi, z razmernimi oz. oziralnimi zaimki in prislovi, in s soledji z brezvezniškimi razmerji.

1.1.1.1) Vezalno razmerje se navadno izraža z veznikom (najnavadnejši je *in*), npr. *Kupil si je hišo in nakup je bil dober*; **možna je tudi nevezniška raba**, npr. *Ni smel z njo delati nobenih načrtov, bil je oženjen, imel je Evo*; **včasih je možna izrazitev enakovrednih vsebin s podredno zgradbo**, npr. *Prehodil je dolg pesniški razvoj, (s tem) da je na koncu postal režimsko trobilo, Zagnal se je v delo, pri čemer so mu pomagali drugi, Povedal je svoje, potem se je umaknil*.

1.1.1.2) Protivna razmerja imajo več izraznih možnosti: **a)** oslabitev napovedi: *On je prišel, toda najavljenega gosta ni privedel, Hotel je oditi, čeprav so ga hoteli nazaj, Želel je predstavitev izpita, kar mu niso dovolili, Kupil ji je cvetje, ampak po poti je ovelo, Obrnil se je, toda on ga je zadržal, Pisal mu je, ni odgovoril, Ta novi ga je opogumil, in hkrati mu nalagal nove obveze*; **b)** omejitev napovedi: *Rad je z njim, toda upoštevati mora tudi njegovo mnenje, Hotel je pomagati sinu, vendar ga je sin moral o svojem delu obveščati, Radi so ga imeli, zato so ga ogovarjali*; **c)** zamenjava oz. nadgradnja napovedi: *Bil je precej čudaški, a študenti so ga imeli radi, To ni delo ene generacije, temveč vsaj nekaj zaporednih generacij, On da je stiskač, (ravno) nasprotno, vse bi oddal od sebe, Nobeden jih ni posebej klical, sami so prišli, Zjutraj je pošteno deževalo, ampak vsaj ni mrzlo, Namesto da bi skrbel za ljudi, dela načrte o nedosegljivem*.

¹ Pri določanju medpropozicijskih razmerij v slovenščini mi je bila v osnovno oporo skladnja v češki akademski slovnici (Mluvnice češtiny 3: Skladba, 1987), Praha: Academia.

1.1.1.3) Nasprotna (kontrastivna) razmerja: **a)** z vzporedno zgradbo: **priredje:** *Če je mati varstvo in skrb, je oče gotovost in moč, Premagali so jih, čeprav so že izgubljali, Nekateri se jezijo, medtem ko drugi isto podpirajo, Eden ga niti ne opazi, zato pa ga je drugi hvali, soredje:* *Drugi so šli za njim, jaz sem sedel z glavo med rokami; b)* z obrnjeno zgradbo: **priredje:** *Svojega človeka ohrani, tujega brez milosti zavrže, Tone raje posluša osrednji radio, Jože lokalca, Sam zmore malo, v skupini pa dela neverjetne stvari, Pred drugo vojno so imeli eno samo univerzo, zdaj jih imajo petnajst, Pred vojno niso imeli avta, medtem ko zdaj imajo kar tri, Malo je postal, potem pa se še bolj zaletel, podredje:* *Bolezen se je ustavila, da bi potem udarila z vso močjo, Če se v Franciji kuha lahko in zdravo, razumejo v Angliji pod francosko kuhinjo smetanove omake ipd., soredje:* *Delavec je smrten, delo pa živi.*

1.1.1.4) Ločno razmerje: **a)** ločevanje: *Ali upoštevaj navodilo ali ga utemeljeno ovrži; b)* različne možnosti: *Imajo slabe rezultate bodisi zaradi nepripravljenosti bodisi nimajo pravih predispozicij; c)* možnost izbire: *Ali bo sadje prodajal ali pa bo pobiral sezonsko zelenjavo.*

1.1.1.5) Stopnjevalno razmerje: **a)** poudarjena dopolnitev: *Nista spregovorila niti besede, celo/ niti opazila se nista; b)* nadomestitev: *Ni mu bilo do smeha, samo mrko je gledal; c)* natančnejša opredelitev: *To ni bilo lajanje, to je bilo rjojenje, Ni bil samo utrujen, bil je stolčen.*

1.1.2) Pridano (nevezniško) razmerje: **a)** pojasnjevalno: *Namensko se je izločil iz družbe, tj. hotel je razčistiti sam s sabo; b)* posledično: *Njihova smrt je javnost pretresla, to je bila namreč očitna izvršitev smrtne obsodbe.*

1.1.3) Pojasnjevalno razmerje (zato, saj, namreč, kajti, zakaj): **a)** navadno pojasnjevanje: *Otroci se raje igrajo kot učijo, zato z veseljem sprejmejo igrivo učenje; b)* čustveno: *Tako veleva zakon, saj to vendar veš?!; c)* samoumevnost: *Od trgovine z belim blagom je seveda imel več kot njegova žena, tu namreč ni šlo samo za denar.*

1.2) Pomenska (vsebinska) odvisnost okoliščinskih propozicij, omejenih na okoliščinska razmerja

1.2.1) Časovna soodvisnost: **1)** prosta časovna določitev: *Komaj so se vrnili iz mesta, jim je umrl stari oče; 2)* časovna omejenost dejanja: *Lahko ležite, dokler bo toplo; istočasnost: Stala je tam, imela je razmršene lase; neistočasnost: Svetilka je mežikala, in na koncu ugasnila; 3)* pretvorbene možnosti: *Odbila je deset, ko je nekdo potrkal: Ko je odbila deset, je nekdo potrkal : Odbila je deset in nekdo je potrkal; istočasnost nedov.–nedov.: Ko se uči, posluša glasbo, istočasnost dov.–dov.: Ko vstane, se luč avtomatično ugasne; istočasnost dov.–nedov.: Ko končaš*

dopis, bo že noč; odvisnik se nanaša samo na del nadrejene propozicije: *Miha je o tem že govoril včeraj, ko se je vrnil*; neistočasnost: **a**) predčasnost: *Šele ko so oželi mokra oblačila, so se odpravili k počitku*, **b**) naslednost – posledica: *Pređen to tam postavimo, moramo polico pošteno očistiti*.

1.2.2) Vzročnostna soodvisnost

1.2.2.1) Vzročno razmerje v ožjem smislu (povod/ vzrok): **a**) vzrok/ povod: *Ker se je otoplilo, se je sneg stopil, Ker se ni hotel zmočiti, je vzel dežnik, Moralo ga je zelo boleti, ker je imel solze v očeh*; **b**) pojasnitev vzroka/ povoda/ posledice: *Ne razumem ga, govori namreč japonsko, Zmogla je celo smeh, najbrž ni dojela tragičnosti situacije, Vsaj za svoje otroke bi to naredil, zakaj/ kajti to je njegova kri, Videli so to na lastne oči, zato je bila zmota izločena, Mora iti, sicer bo prepozen*; **c**) učinek: dejanski: *Stala je tako blizu, da je čutil njen dih*; možni: *Videla sem že dovolj, da lahko vse razumem*; kot cilj: *Skrij to tako, da ne bo nihče našel*; nemogoči: *Prostor ni bil niti dovolj velik, da bi se človek lahko izgubil*; nerealni: *Podjetje je bilo preveč zadolženo, da bi lahko našli novo vodstvo*.

1.2.2.2) Pogojno razmerje: **a**) uresničljiv pogoj: *Če so odšli vsi, odidem tudi jaz, Če nočeš, ne hodi, Vrzi ga ven na silo, če noče zlepa*; **b**) pomožno uresničljiv pogoj: *Če bo/ bi deževalo, ne gremo na sprehod, Če bi to tekmo dobili/ zmagali, bi šli v finale*; **c**) neuresničljiv (hipotetičen) pogoj: *Če bi tvoja mama živela, bi se zjokala nad tabo, Če poješ to jagodo, boš razumel ptičjo govorico, Če bi se oženil, ne bi bil tak godrnjač*.

1.2.2.3) Dopustno razmerje: **a**) podredje (čeprav, četudi): *Čeprav je bil varovan, je to naredil, Čeprav je deževalo, smo bili na sprehodu, Čeprav je bil žejen, se ni mogel dotakniti steklenice*; **b**) priredje (navzlic, kljub temu, vendar(le)): *Kljub temu, da nisem imel slabe vesti, me je oblival pot, Ima brke, vendar ni moški*.

1.2.2.4) Pogojno-dopustno razmerje (naklonjeno/ nenaklonjeno): **a**) celovito izraženo: *Hodi na sprehode, naj bo kakršno koli vreme*; **b**) razstavljeno izraženo: *Hodi na sprehode, naj dežuje ali ne, Hodi na sprehode, tudi ko dežuje*; **c**) frazemske različice: *Hočeš nočeš, sem moral tja, Razmišlja ali ne razmišlja, ampak to tako dela*.

1.2.2.5) Ciljno razmerje: **a**) podredje (da bi): *Odšel je toplice, da bi se zdravil, Tam si, da boš pazil, Dam ti, kar ti srce poželi*; **b**) priredje (nevezniško): *Pokažite, bom pogledala, Razsvetlite, naj se vidimo, Tecite tecite, da se pogrejemo, Naj/ Da vam ne umaže obleke, pazite!*

1.2.3) Načinovna razmerja

1.2.3.1) a) Neposredni način: 1) kakor, kot: *Delal je kakor/ kot je najbolje znal*; 2) vzporedno/ kvazivzporedno: *Naredil je to tako, kot je hotel učitelj*, 3) tako, da: *Mesto je načrtovano tako, da so lesene hiše spodaj, višje pa lepši domovi*;

4) s tem, da (orodje nam. načina): *Prepričajte ga s tem, da trenutno ni nihče boljši kandidat*, 5) tako, da bi (način s ciljem): *Postavi se tako, da boš prekril packo na steni*, 6) nevezniško z vrednostjo tako, da: *Peljal se je k prijatelju, vedno je zgrešil ulico*, 7) načinovna besedna zveza, ki natančneje opredeljuje dejanje/ stanje: *Tablete je treba jemati ob točno določenem času, po zdravnikovih navodilih/ kot je določil zdravnik, Sledil je zelo intenzivno, po svojih močeh*, 8) vzročno navajanje načina: *Občasno se je tudi sprehodil okoli zgradbe, kot je to določala zadolžitev varnostnika*. **b) Primerjalni način: ba)** po podobnosti: način dogajanja v glavnem stavku: *Urban je izginil, kot bi se vdrl v zemljo, Gozd je subtilno šumel, kot bi kdo igral na harfo, V temnih borih, skrivnostno temnih kot noč, je nepretrgoma šumelo;* **bb)** po skladnosti/ ujemalnosti (kakor/ kot – tako): *Kot so obljubili, tako so naredili, Nekatere stvari nikoli ne zastarajo, kot se kruha praviloma nihče ne naveliča; priredje (nevezniško): Vrana vrani seda, enak enakega podpira.*

1.2.3.2) Izražanje mere in intenzivnosti: a) neposredno: *Zbežali so domov, kolikor so jim dovoljevale noge, Počasi se je premikala, tako kot se lahko noga nogi počasi umika;* **b)** s primerjavo: enakost, kolikor – toliko: *Kolikor krajev, toliko običajev;* neenakost: *Dogaja se pogosteje, kot si lahko mislimo;* skladnost/ sozmernost: *Čim globlje čutenje ima umetnik, tem večjo ustvarjalnost lahko razvije, Čim bolj se je domneva pretehtovala, tem manj je bila verjetna.*

1.2.3.3) Izražanje spremne okoliščine: a) priredje (nevezniško): *Tujec je sedel, niti z obrvjo ni mignil,* **b)** podredje: *Šel je spat, ne da bi povečerjal, Odšla je, ne da bi/ brez da bi odgovorila, Ne bi odšel, ne da bi se poslovil, Ni minil dan, da ne bi bila objokana.*

1.2.3.4) Izražanje sredstva/ merila: a) sredstvo: *Maščeval se je s tem (tako), da ga je okradel <> Da bi se mu maščeval, ga je okradel;* **b)** merilo: *Po tem, kako raste ali bi moral rasti, je nujno ravnati pri rezu od primera do primera, Zrelost komposta presojava po tem, koliko grudasta je njegova zgradba.*

1.2.3.5) Izražena subjektivno omejena zmožnost dejanja/ stanja: a) vsebina glavnega stavka je omejena na mnenje v podrednem stavku, v kolikor: *(V) kolikor je bila meščanska inteligenca, je imela narodnostne zahteve, nikoli revolucionarne;* **b)** veljavnost glavnega stavka je omejena z mnenjem ali vedenjem govorca, kolikor: *Kolikor vem, doma nimam fraka, (V) kolikor poznam Franceta, samo povesi glavo in odide.*

1.2.3.6) Izražena izjema: Nikogar ne sprejemajo, razen če pride kdo z ministrstva, Vse je izpadlo dobro, razen tega, da se ni utegnil obriti.

1.2.3.7) Neprava medpropozicijska odvisnost: a) oziralna omejenost: *Kolikor gre le za število dijakov, je razred manjši, Kolikor gre za hitrost,/ Po hitrosti*

mu nihče ni kos; **b**) navezovalna omejenost: *Kar zadeva to državo, ji je bila neodvisnost priznana že v štiridesetih prejšnjega stoletja.*

2) Vključitev propozicije v matično propozicijo

Vključena vsebina je lahko izražena stavčno ali nestavčno, npr. *Janez se je odločil, da kupi hišo, Janez se je odločil kupiti hišo, Janez se je odločil za nakup hiše.* Stavčno ali nestavčno izražanje vključene vsebine je odvisno od pomenskosti glagola v povedju, npr. *Janez je izvedel, da pride Stanetova mati > Janez je izvedel za prihod Stanetove matere nasproti Janez je menil/ mislil, da pride Stanetova mati > *Janez je menil/ mislil o prihodu Stanetove matere, Slišal je, da vrata škripajo – Slišal je škripati vrata – Slišal je škripanje vrat, Najavil je, da pride gost > Najavil je prihod gosta nasproti Najavil je, kdaj pride gost > Najavil je čas prihoda gosta ipd.*

Vsa nadaljnja medpropozicijska razmerja se vežejo na vezljivostne zmožnosti glagolov v povedju in na pomenske lastnosti udeležencev, ki omogočajo vsebino odvisnikov.

2.1) Stavčnočlenske propozicije

kot vsebinski odvisniki eno-, dvo- ali večvezljivega povedka

Z vezljivostnega vidika imamo možnosti: enovezljivosti: *Je dobro, če si aktiven, Dovolj je, da se ga opozori, Je škoda, če se ostane kar doma;* dvovezljivost: *Kaj dela, mi je neznanka, Posrečilo se mu je, da se je uspešno vrnil;* trovezljivost: *Poslali so mu, kar si je zaželel.*

2.1.1) Medpropozicijska (vezniška) razmerja so odvisna od izbora nadrejenega povedka in veznika.

2.1.1.1) Glagoli rekanja (če, ali, da (bi), naj): *sporočiti, obveščati, odsvetovati, svariti, hliniti;*

2.1.1.2) Glagoli zaznavanja (da, kako): *slišati, videti, opaziti;*

2.1.1.3) Glagoli vedenja/ znanja/ spoznanja (da, ali, kako, če): *vedeti, znati, poskušati, ugotavljati, odkrivati;*

2.1.1.4) Glagoli vrednotenja (da, da (bi), kako): *biti škoda, biti vseeno;*

2.1.1.5) Glagoli naklonskosti (gotovosti, želje ipd.), da (bi), če: *prositi, zagotoviti, želeli.*

2.1.2) Vsebinski (nevezniški) odvisniki. Izbira oziralnega zaimka je odvisna od vsebine odvisnika, in ne od povedka v glavnem stavku, npr. *Hodil je po kraju in ugotavljal, kaj/ koliko je novega/ kje/ kam/ kako/ zakaj so kaj postavili ipd.*

2.2) Opisnopoimenovalne propozicije

Določeni udeleženci propozicije so opisno (stavčno) poimenovani: *Ne verjemi temu, ki laže, Spraševal je po tistem, kar naj bi prinesli, Sem mu že vrnil (to), kar sem mu bil dolžan, Bil je (tam), kjer so ga tudi pričakovali* ipd.

2.2.1) Osebkovi in predmetni odvisniki: *Tisti, ki laže, tudi krade – Kdor laže, tudi krade, Postrežejo vsakomur, kdor še pravočasno pride, O tem, kar zdaj govorimo, je bilo že mnogo napisanega* ipd.

2.2.2) Prislovnodoločilni odvisniki (kraja, časa, načina): *Živel bom tam, kjer bom lahko, Čakal je, dokler se ni prvi javil, Obnašal se je, kot bi bilo vse njegovo, Živel so, kot so zmogli* ipd.

2.3) Povedkovodoločilne propozicije

Izgledal je, kot bi resno zbolel, Počutil se je kakor da bi bil v postopku zasliševanja, Bil je, kot da bi se izgubil ipd.

3) Križanje in združevanje propozicij

3.1) Križanje ali združevanje se nanaša na udeležence: *Videl je Janeza, kako odhaja – Videl je odhajati Janeza – Videl je odhajajočega Janeza, Janez je vrnil knjigo vso zapackano, Poslušal Janeza, kako igra na klavir – Poslušal Janeza, da/ ali/ kaj/ če igra na klavir* ipd.

3.2) Križanje ali združevanje se nanaša na glagole v povedju: **a)** istost ali podobnost: *Janez se je vrnil (tak), kakršnega smo ga poznali, b)* *Ulegel se je tak, kakršen je prišel, kar v jopiču in obut, c)* opis stanja, v katerem se odvija dogodek: *Z živčnostjo, ki jo je skušal prikrivati z naglico kretenj, je pripravljal gradivo za svojo predstavitev* ipd.

4) Vključevanje določujoče propozicije

4.1) Določujoče ali kvazidoločujoče propozicije

Določujočo in kvazidoločujočo propozicijo ločuje istočasnost oz. neistočasnost dogajanja ali stanja v glavni in odvisni povedi, npr. *Z druge strani je pritekel pes, ki je lajal* (določujoča p.) nasproti *Z druge strani je pritekel pes, ki je zalajal – Z druge strani je pritekel pes in zalajal* (kvazidoločujoča p.).

4.1.1) Določujoča omejevalna propozicija je lahko uvedena **a)** z oziralnimi pridevniškimi zaimki, npr. *Starejši človek, ki redno kadi, je potencialni pljučni bolnik, končno je srečal sokrajana, o katerem ni zmanjkalo resničnih in izmišljenih pri-*

povedi, ali **b**) z oziralnimi prislovnimi zaimki, npr. *Stanovanje, kjer jih je obiskoval (ki ga je obiskoval), so mu zapustili z oporoko.*

4.1.2) Kvazi/ določujoča neomejevalna propozicija: **a)** *Kupili so nov televizor, ki ga bodo podarili staremu očetu za jubilej – Kupili so nov televizor in ga bodo podarili staremu očetu za jubilej, b)* *Pravijo mu «glavni», kar pa nič konkretnega ne pomeni – Pravijo mu «glavni» in to ne pomeni nič konkretnega, Šel je v gostilno, kamor ga je vozila tudi žena – Šel je v gostilno in tja ga je vozila tudi žena.*

4.2) Pridana propozicija

4.2.1) Pridana samostalniku: *Za vodilna mesta je veliko kandidatov, vendar skoraj vsi imajo **eno napako**: preveč zapletajo enostavne stvari.*

4.2.2) Pridana samostalniškemu zaimku: *Gre samo za nekaj: vzdržati, ko najslabše kaže.*

4.2.3) Pridana samostalniškemu odvisniku: *Zgodilo se je, kar ni nihče predvidel: zavrnil je ponudbo, vezano na boljšo plačo.*

5) Analitična (zložena) oblika ene propozicije

5.1) Povedkovodoločilni odvisnik: **a)** *Ni ta, ki naivno veruje, b)* *Knjiga je bila, kot bi jo pohodili, c)* *Bilo mu je, kot bi mu kdo naenkrat vse razjasnil.*

5.2) Poudarnoprilastkovni odvisnik: *Janez je bil ta, ki je ves čas na to opozarjal – Ta, ki je ves čas na to opozarjal, je bil Janez, On je tisti, komur bi morali verjeti.*

2. Medpropozicijskost z vidika kookurenčnosti in koreferenčnosti

Kookurenčnost v prvi vrsti izraža pomenskosestavinsko združljivost določenih vrst glagolov, na drugi stopnji pa se pridružuje še pogoj koreferenčnosti/ neko-referenčnosti udeležencev, skratka samo potrjuje se vzajemna odvisnost oz. so-odvisnost povedja in udeležencev.¹

2.1 Kookurenca (sopojavljanje/ sodogajanje glagolov) s posledično koreferenco (soodnosom) udeležencev

Pomenska usmerjenost glagolov napoveduje možne udeleženske vloge. Glagolska pomenska družljivost oz. kookurenčnost je jasno razvidna pri sopostavitvi

¹ V teoretično oporo pri povezovanju posameznih pomenskih skupin glagolov mi je bila monografija Stanisława Karolaka *Od semantyki do gramatyki. Wybór rozpraw.* Warszawa: Instytut Slawistyki PAN, 2001.

določenih vrst glagolov. Tako je sopojavnostna zmožnost operativnih glagolov odvisna od njihove konkretne skladenjskopomenske usmeritve na enega ali več udeležencev, mogoče bi glede na zgornje zglede bilo mogoče tudi npr. *Peter je obljubil prijateljem, da bo Ana ozdravela* (?) nasproti manj smiselnemu **Peter je obljubil Ani, da bo ozdravel*, medtem ko bi se izšlo z vrinjenim stavkom in z dodanim operativnim glagolom, npr. *Peter je obljubil Ani, da bo naredil vse, da bo ozdravel*; glagoli zaznavanja, presoje in poizvedovanja pa z novo neodvisno vsebino v odvisniku uvajajo glagolsko nesopojavnost in neodnosnost udeležencev, npr. *Andrej čuti/ domneva/ upošteva, da Ivana pred njim nekaj skriva* ipd.

3 Propozicijskost in medpropozicijskost s pretvorbenega vidika

Prislovi so zaradi t. i. vektorskih funkcij obravnavani kot organske sestavine celostne zgradbe povedi oz. sporočila, zato njihova načelno velika funkcijska obsežnost oz. prehodnost od propozicijskosti k nepropozicijskosti in obratno ni nič posebnega [Pen'kovskij 2004: 291–292].

Poleg pravih prislovov kraja in časa, ki so že po organskosti jezika samostojne propozicijske oz. bazične pomenske sestavine, se glede na svojo samostalniško motivacijo med samostojne propozicijske (pomenskospodstavne) prvine uvrščajo tudi t. i. vrstni prislovi, ki glede na pomenske lastnosti motivirajočega samostalnika vrstno opredeljujejo glagolsko dejanje/ dogodek. Prislovi skladenjskopomensko natančneje določajo glagol glede na prostor, čas (ki sta tako rekoč bivanjsko samoumevna), sredstvo (snov), spremstvo, vzrok¹, ozir ali izid [A. Vidovič Muha 2000: 76–77]; te izrazljive/ zunanje okoliščine so navadno skladenjskopomensko vezljive in zato hkrati tudi propozicijske,² npr. *Laboratorijsko pregledati, enkrattedensko poročati, računalniško obdelati, parno drsati, zakonsko zagotoviti, slovnično popraviti, klinično živeti/ umreti, metodološko dokazati, krvno maščevati*, nasproti prislovom v vlogi lastnostnih modifikatorjev tipa *temeljito/ dobro pregledati, redno poročati*, ki kot sestavine upovedovanja lastnostno opredeljujejo (modificirajo) glagolsko dejanje/ dogajanje/ stanje.

Povezovanje propozicijskosti stavčnih povedi s propozicijskostjo besedotvornih (morfemskih) sintagem kot so večbesedni leksemi tipa *stenska ura, prenosnik* (< prenosni aparat) pa samo še utrjuje spoznanje, da je jezik nedeljiva sistemsko celota [Vidovič Muha 2009: 253].

¹ Jezikovna vzročnost je odraz fizične/ materialne vzročnosti v mišljenju oz. zavesti.

² P. Piper (²2001: 45) tako npr. ločuje nepropozicijsko notranjo kavzalnost, npr. *oženiti se iz ljubavi*, od zunanje kavzalnosti, npr. *umreti od naboja*, ki je propozicijska.

Novejše slovenske jezikoslovne študije [prim. Slovensko leksikalno pomenoslovje/ SLP/ A. Vidovič Muha 2000] v okviru tipologije vrstnih prislovov (s samostalnikom v podstavi) eksplicitno odpirajo vprašanje propozicije globinskega udeleženca, pri lastnostnih (izglagolskih) prislovih pa je opozorjeno na pojav cele propozicije v drugi propoziciji, npr. *sede kuhati*, *kleče prositi*; slednji so že zaradi izglagolske motivacije vzporedne propozicije.

Z vidika pomenske podstave oz. propozicije se vrstni prislovi ločujejo:¹

1) Propozicijski prislovi ali zunanjeokoliščinski prislovi (izražajo zunanje okoliščine glagolskega dejanja, in sicer kraj in čas, deloma pa zlasti tudi način). S svojim sintagmatskim jedrom tvorijo polavtomatizirane besedne zveze.

1.1) Istopropozicijski vrstni prislovi (z motivirajočim samostalnikom v podstavi), ki glagolsko dejanje opredeljujejo: a) prostorsko/ časovno (s podstavo 'v/ na kraju/ času': *laboratorijsko/ ambulantno pregledati*, *cestno se usmerjati*, *mesečno poročati*); aa) v/ kot (< 'biti/ nahajati se/ obstajati kot': *skupinsko delovati* ('delovati v skupini'), *parno drsati* ('drsati v paru'), *množično se zbirati* ('zbirati se v množici/ v množico'); b) vzročno (s podstavo 'zaradi/ od česa/ koga': *denarno vztrajati/ prenesti*, *telesno/ duševno vzdržati*); c) načinovno, ca) sredstveno/ snovno (s podstavo 's čim': *računalniško obdelati* – *obdelati z računalnikom*, *instrumentalno poskusiti*, *beliti z apnom/ s čopičem*, *bežati v copatih*, *politično poudariti*), cb) spremstvo (s podstavo 's kom': *bratsko deliti*, *prijateljsko popivati*), cc) ozirnost (s podstavo 'glede na koga/ kaj': *biološko prizadeti*, *slovnično popraviti*, *prehransko se zanemariti*), cč) posledičnost (s podstavo 'do česa': *smrtno se ponesrečiti*).

1.2) Neistopropozicijski; pri izglagolskih/ deležijskih prislovih gre za <vgraditev ene stavčnopovedne propozicije v drugo> [Vidovič Muha 2000: 76]; deležijski prislovi z obrazilom -(o/ e)č ali -aje/ -é in družljivost s prislovom stopnje ni mogoča (*molče spremljati dogajanje*, *stoje opazovati promet*).

2) Nepropozicijski modifikacijski oz. notranjeokoliščinski lastnostni prislovi (izražajo notranjo lastnost glagolskega dejanja); s svojim sintagmatskim jedrom tvorijo aktualizirane besedne zveze/ sintagme, ki so besedilne in po govornem dejanju razpadejo.

2.1) Izpridevniški lastnostni (pomensko družljivi s prislovi stopnje): *Dobro piše* > *Zelo dobro piše*.

2.2) Izpridevniški vrstni z motivirajočim samostalnikom v podstavi:

2.2.1 s samostalniki s podkategorijo človeško⁺: (*po*) *človeško se obnašati*, (*po*) *sosedsko pomagati*, (*po*) *vojaško pozdraviti*, (*po*) *slovensko govoriti* ipd.

¹ Dopolnjena je dosedanja delitev prislovov glede na propozicijskost v sporočilu oz. povedi.

2.2.2 s samostalniki v vlogi enakosti/ primere: *vojaško pozdraviti* ('pozdraviti kot vojak'), *hekersko delovati* ('delovati kot heker').

3) Z možno propozicijskostjo ali nepropozicijskostjo: v/ kot (< propozicijski v 'biti/ nahajati se', nepropozicijski kot 'enakost/ primera'): 1) propozicijsko: *politično/ kulturno se udejestvovati* ('udejestvovati se v politiki/ kulturi'), 2) nepropozicijsko: *politično/ kulturno se udejestvovati* ('udejestvovati se kot politik/ kulturnik'), *športno prenesti* ('prenesti kot v športu/ kot športnik');

3.1) Samo nepropozicijsko je *posamezno drsati* (< drsati kot posameznik), medtem ko je v nekaterih drugih primerih odločanje o propozicijskosti odvisno od osebk: *On parno/ tandemsko drsa* (< On drsa v paru/ v tandemu) je propozicijska raba nasproti nepropozicijski *Onadva parno/ tandemsko drsata* (< Onadva drsata kot par < Onadva sta pri drsanju par), kjer je *parno/ tandemsko* rabljeno nepropozicijsko; podobno lahko sklepamo pri prislovu *skupinsko*, kjer edninska in dvojninska raba osebk omogočata propozicijsko rabo (< *On(dva) deluje(ta) v skupini*), množinska raba osebk pa uvaja nepropozicijsko rabo prislova *skupinsko* s podstavo *Oni delujejo kot skupina/ Oni so skupina in tako delujejo* ipd.

4. Za sklep

Z vidika upovedovalnih zmožnosti v jeziku je za skladnjo vsakega jezika osnovno in zelo bistveno opozoriti, kako se lahko propozicija in medpropozicijska razmerja ubesedujejo. Na tak način se predstavijo zlasti prvotne diatezne zmožnosti posameznega jezika, v našem primeru slovenščine.

Viri in literatura

Daneš 1968 — F. Daneš. *Sémantická struktura větného vzorce*. Otázky slovanské syntaxe II. Filosofická fakulta University J. E. Purkyně, Brno, 1968, 45–49.

Daneš 1987 — F. Daneš idr. *Větné vzorce v češtině*. Praha: Academia, 1987; FidaPLUS: <http://www.fidaplus.net>

Grepl 1987 — M. Grepl idr. *Mluvnice češtiny* (3 – Skladba). Praha: Academia, 1987.

Grepl 2011 — M. Grepl. *Jak dál v syntaxi*. (Studie: osobností brněnské lingvistiky IV.) Edd. J. Dvořák a P. Malčík. Brno: Vydavatelství Host, 2011, 246.

Grepl, Karlík 1998 — M. Grepl, P. Karlík. *Skladba češtiny*. Praha: Votobia, 1998.

Karolak 2001 — S. Karolak. *Od semantyki do gramatyki*. (Wybór rozpraw). Warszawa, 2001.

Kořenský 1984 — J. Kořenský. *Konstrukce gramatiky ze sémantické báze*. Praha: Academia, 1984.

- Orešnik 1994 — J. Orešnik. *Slovenski glagolski vid in univerzalna slovnica*. Ljubljana: SAZU, 1994.
- Pen'kovskij 2004 — А. Б. Пеньковский. *Очерки по русской семантике*. Москва: Языки славянской культуры, 2004.
- Piper ²2001 — P. Piper. *Jezik i prostor*. (Biblioteka XX vek). Beograd, ²2001.
- Šoltys 1986 — O. Šoltys. *Ke vztahu predikace a centrace*. Slovo a slovesnost, Praha, XLVII/1, 1986, 1–15.
- Švedova 1968 — Н. Ю. Шведова. *О разграничении простого предложения и сходных с ним конструкций*. *Otázky slovanské syntaxe II*. Filosofická fakulta University J. E. Purkyně, Brno, 1968, 65–73.
- Toporišič 1982 — J. Toporišič. *Nova slovenska skladnja*. Ljubljana: DZS, 1982.
- Toporišič ⁴2000 — J. Toporišič. *Slovenska slovnica*. Četrta prenovljena in razširjena izdaja. Maribor: Obzorja, ⁴2000.
- Vidovič Muha 1988 — A. Vidovič Muha. *Slovensko skladenjsko besedotvorje ob primerih zložen*. Ljubljana: Znanstveni inštitut Filozofske fakultete in Partizanska knjiga, 1988.
- Vidovič Muha 1993 — A. Vidovič Muha. *Glagolske sestavljenke — njihova skladenjska podstava in vezljivostne lastnosti (Z normativnim slovensko-nemškim vidikom)*. Slavistična revija, Ljubljana, 1993, XLI/1, 161–192.
- Vidovič Muha 2000 — A. Vidovič Muha. *Slovensko leksikalno pomenoslovje*. Govorica slovarja. Ljubljana: Znanstveni inštitut Filozofske fakultete, 2000.
- Vidovič Muha 2009 — A. Vidovič Muha. *Skladenjska interpretacija glagolskih predponskih obrazil — vprašanje propozicije*. Slavistična revija, Ljubljana, 2009, 57/2, 251–261.

ПРАГМАТИКА СИНТАКСИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ: ПРОБЛЕМЫ АНАЛИЗА

ЕЛИЗАВЕТА ИЛЬМАРОВНА КОСТАНДИ

Прагматика – синтаксические связи – подчинительные словосочетания – методы анализа

В настоящее время нет необходимости доказывать, что использование разных способов и средств соединения языковых единиц в предложении и тексте во многом отражает взгляд автора или иного субъекта на описываемую ситуацию и подвержено воздействию разнообразных коммуникативно-прагматических факторов. Об этом свидетельствует, например, возможность варьирования синтаксических связей и средств, ср.:

- (1) **Сочинительная связь слов:** *Вошли Лена, Сергей и (а также, но и, не только ..., но и) Саша.* **Подчинительная связь:** *молочный кувшин/ кувшин для молока, деревянная мебель/ мебель из дерева.* **Предикативная связь:** *Мальчик учится в первом классе./ Мальчик — ученик первого класса./ Мальчик является учеником первого класса./Связь частей сложного предложения:* *Когда все вернулись, было поздно./ Когда было поздно, все вернулись./ Было поздно, и все вернулись.*

Вариативность, предполагающая авторский выбор и включение единицы в разнообразные контексты и ситуации, обеспечивает «жизнь языка», в которой обязателен прагматический компонент. Исследователи неоднократно обращали внимание на то, что выбор синтаксической связи может быть обусловлен авторской установкой, ориентацией на определенного адресата, модальностью и рядом других факторов, относящихся к области прагматики. С этой точки зрения рассматривались, например, связи между частями сложного предложения и текста [Ляпон 1986], роль связки в предикативной связи [Арутюнова 1998; Лекант 1976], подчинительные связи слов [Скобликова 2005], соединение речевых фрагментов (коммуникативный шов) в живой речи [Гаспаров 1996], использование синтаксической связи в языковой игре [Иванчикова 1979; Санников, 2008] и т.д. Некоторые ис-

следователи не используют термин «прагматика», однако анализируют факты, по сути, относящиеся к коммуникативно-прагматическому аспекту. Так, Е. С. Скобликова в указанной выше работе, рассматривая факторы, влияющие на выбор типа и средств связи в словосочетании, не пользуется этим термином, но выбор, о котором она говорит, осуществляется говорящим, что предполагает прагматическую основу. Другие авторы, например В. З. Санников, активно используют данный термин, подчеркивая значимость прагматического аспекта. Таким образом, прагматическая составляющая синтаксических связей становилась объектом исследовательского интереса, однако до сих пор не существует ни относительно полного описания всех связей с этой точки зрения, ни сформировавшихся относительно общепринятых подходов к выявлению и анализу прагматики синтаксических связей и средств связи.

В ряде работ автора настоящей статьи [см. например: Костанди 1997: 94–104, 1999а: 90–97, 1999б: 292–303, 2007: 961–966, 2012: 104–109] также рассматривались некоторые аспекты прагматики подчинительной и сочинительной связи слов, предикативной связи, связи между частями сложного предложения и текста. В ходе анализа материала регулярно вставал вопрос о том, как установить, что не только лексика, частеречная принадлежность соединяемых компонентов, стилистическая окраска, но и вид синтаксической связи участвует в формировании коммуникативно-прагматической направленности единицы. Особые трудности возникают при анализе подчинительной связи слов. Характер и средства предикативной связи, связи между частями сложного предложения и текста, сочинительной связи слов, при всей их многозначности и многофункциональности, можно частично трактовать как результат относительно свободного авторского выбора и, следовательно, хотя бы поэтому как отражение авторской установки. Подчинительная связь слов (управление, согласование, примыкание) в большей степени определяется системно-языковыми правилами, в ней сложно разграничить синтаксический, лексический и морфологический аспекты, и, соответственно, появляется больше проблем при анализе ее прагматики. В статье будет рассмотрена именно подчинительная связь слов с точки зрения наличия в ней прагматической составляющей и возможностей ее выявления. В центре внимания будет последнее, анализ собственно прагматики в задачи настоящей статьи не входит, поэтому при ее характеристике ограничимся обобщением своих предыдущих работ и общей характеристикой нового материала, учитывая, разумеется, и работы других исследователей.

На разнообразном материале в указанных выше работах нами рассматривалось наиболее очевидное проявление прагматики подчинительных словосочетаний, заключающееся в том, что, выбирая синтаксические отношения, тип связи и соответствующие средства, автор подчеркивает тот или иной аспект (объектный, орудийный, атрибутивный, пространственный, целевой и т. д.) соотношения главного и зависимого слов и обозначаемых ими компонентов языковой и неязыковой действительности, ср.:

- (2) *материнская любовь – любовь матери, клетчатая юбка – юбка в клетку, зимний сад – сад зимой, спортивный костюм – костюм для спорта, тетрадь ученика – ученическая тетрадь, кирпичный дом – дом из кирпича.*

Исследователями обращалось внимание на это проявление прагматики синтаксических отношений, порой при этом затрагивался еще один аспект, на котором и остановимся далее. Говоря о роли, которую играют в выборе синтаксических отношений лексическое значение компонентов и смысловые отношения между ними, Е. С. Скобликова пишет:

«... в зависимости от «угла зрения» <курсив — Е. К.> говорящего один и тот же предмет может осмысляться то как прямой объект, то как орудие действия: *плеснул воду в лицо – плеснул в лицо водой, приложил руку ко лбу – прикоснулся ко лбу рукой*» [Скобликова 2005: 56].

Именно с учетом «угла зрения» говорящего, т.е. позиции субъекта, ранее нами рассматривались не отдельные примеры, а в характер подчинительной связи слов в целом. Результаты этого рассмотрения сводятся к тому, что разные типы связи способствуют формированию определенной позиции говорящего или иного субъекта, моделирующего и воспринимающего языковую действительность. Как свидетельствует анализ материала, наиболее регулярны позиции, соотносящиеся с двумя основными коммуникативными регистрами — изобразительным (репродуктивным) и информативным [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 29–35], т.е. с позицией непосредственного наблюдателя или/и участника, который «видит, слышит, чувствует», и позицией отстраненного субъекта, который «знает» о событиях, сопоставляет их, обобщает и т. д. Можно предположить, что тип подчинительной связи соотносится с этими параметрами следующим образом.

Согласование — связь, в которой совпадают грамматические показатели главного и зависимого слов, т.е. эти характеристики повторяются в главном и зависимом компонентах. Пересечение, наложение компонентов словосочетания в общих признаках способствует тому, что оно в большей степени воспринимается как единое целое: моделируется «слияние» признака с предметом, в результате чего признак предстает как неотделимый от

предмета. В этом случае субъект, непосредственно воспринимая предмет, воспринимает и его признак (*высокое дерево, зеленый лист, узкий проход*), что способствует формированию изобразительного регистра. Разумеется, далеко не все конкретные случаи согласования предполагают именно такую позицию наблюдателя, речь идет о том, что согласование потенциально, в силу характера связи, может способствовать ее формированию.

При управлении такого совпадения формальных показателей главного и зависимого слов нет, они «разделяются» характером связи, чем моделируется «раздельное» же существование компонентов (*рассказал о прошедшем лете, позвони брату, мечтаю о поездке*). Субъект часто не может непосредственно одновременно наблюдать и действие (состояние) и предмет, требуется некоторое отстранение, что в большей степени соответствует информативному регистру: *лето, брат, поездка* воспринимаются, скорее, как объекты, отделенные от действия (состояния). Кроме того, управление отражает валентность лексемы, соотносящуюся с некоторой реальной или ментальной ситуацией (*писать письмо брату ручкой, рассказать друзьям о поездке, купить подарок матери на день рождения*), часто сложно организованной. Ее восприятие может потребовать отстранения, осмысления, установления логических связей и т.п. Таким образом, вид связи (согласование/управление) тяготеет к определенной позиции субъекта. Примыкание, передавая, как правило, связь факультативную, слабо формально организованную, в зависимости от конкретных слов, словоформ и средств связи может соотноситься с разными позициями субъекта, «подстраиваясь» под них.

Рассмотренные варианты, конечно же, не являются единственно возможными, и соотношенность типа синтаксической связи и позиции субъекта следует трактовать именно как потенциальную возможность, не обязательно реализованную в каждом конкретном случае, кроме того, в моделировании любой позиции всегда задействован комплекс языковых средств. В связи с последним при анализе регулярно встает вопрос о степени участия в этом синтаксической связи, ведь более очевидна роль лексического значения, шире — смысловых отношений, и частеречных характеристик компонентов. Несомненно, однозначно разграничить действие разных средств нельзя, возможно, нет и такой необходимости, однако следует показать роль и синтаксической связи. Как нам кажется, одним из способов сделать это является привлечение для анализа как можно более разнообразных типов текстов, контекстов и коммуникативных ситуаций, что и продемонстрируем ниже.

Так, обращение к художественным текстам показывает, что при наличии точки зрения непосредственного наблюдателя обычно возрастает чис-

ло конструкций с согласованием (пример 3), позиция отстраненного субъекта, напротив, регулярно соотносится с увеличением доли управления (пример 4), ср.:

- (3) Он долго смотрел на большой портрет какого-то военного в густых эполетах, с выпуклыми глазами, с низким лбом, с поразительно великолепными бакенбардами и широчайшей грудью, сплошь украшенной орденами. <...> Он взглянул на чету новобрачных — молодой человек в длинном сюртуке и белом галстуке, стриженный ежиком, вытянувшийся во фронт под руку с девицей в подвенечном газе, — перевел глаза на портрет какой-то хорошенькой и задорной барышни в студенческом картузе набекрень (И. Бунин. Солнечный удар).

В приведенном фрагменте не только предполагается, но и прямо обозначена позиция наблюдателя (*смотрел, взглянул, перевел взгляд*), видящего предметы (людей, изображенных на фотографиях) вместе с их признаками, что передается в основном словосочетаниями с согласованием: *большой портрет, густые эполеты, выпуклые глаза, низкий лоб, великолепные бакенбарды, широчайшая украшенная грудь, молодой человек, какая-то хорошенькая и задорная барышня* и др.

Иная точка зрения представлена в следующем тексте:

- (4) И что говорил о театре и об актерам Кукин, то повторяла и она. Публику она так же, как и он, презирала за равнодушие к искусству и за невежество, на репетициях вмешивалась, поправляла актеров, смотрела за поведением музыкантов, и когда в местной газете неодобрительно отзывались о театре, то она плакала и потом ходила в редакцию объясняться (А. Чехов. Душечка).

В данном случае речь идет о множестве событий, разделенных во времени и пространстве, их невозможно «наблюдать», требуется отстраненность воспринимающего субъекта, что достигается использованием множества средств, в том числе — доминированием управления (*говорил что о театре, повторяла то, презирала публику, презирала за равнодушие и невежество, равнодушие к искусству, поправляла актеров, смотрела за поведением* и др.).

Разумеется, неизбежно предположение, что использование разных типов словосочетаний обусловлено идиостилем писателя. Анализ материала, однако, показывает, что отмеченная тенденция прослеживается и в текстах одного автора, и в одном тексте, например:

- (5) Затем перед прокуратором предстал стройный, светлородый красавец со сверкающими на груди львиными мордами, с орлиными перьями на гребне шлема, с золотыми бляшками на портупее меча, в зашнурованной до колен обуви на тройной подошве, в наброшенном на левое плечо багряном плаще.

Это был командующий легионом легат. Его прокуратор спросил о том, где сейчас находится себастиийская когорта. Легат сообщил, что себастиийцы держат оцепление на площади перед гипподромом, где будет объявлен народу приговор над преступниками (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Фрагмент представляет две основные точки зрения — непосредственное визуальное восприятие (*прокуратор видит*) и сообщение о ненаблюдаемых событиях (*легат сообщает*). Каждая из них формируется комплексом языковых средств, в который входит и характер связи. Начало фрагмента, передающее первую точку зрения, изобилует словосочетаниями с согласованием, число которых резко сокращается при смене точки зрения. Сопоставим так же следующие фрагменты одного текста:

- (6) *Стоя в холодке вновь покрытой риги с необсытавшимся еще пахучим листом лецинового решетника, прижатого к облупленным свежим осиновым слегам соломенной крыши, Левин глядел то сквозь открытые ворота, в которых толкалась и играла сухая и горькая пыль молотбы, на освещенную горячим солнцем траву гумна и свежую солому, только что вынесенную из сарая, то на пестроголовых белогрудых ласточек, с присвистом влетающих под крышу и, трепля крыльями, останавливавшихся в просветах ворот, то на народ, копошившийся в темной и пыльной риге, и думал странные мысли. «Зачем все это делается? — думал он. — Зачем я тут стою, заставляю их работать? Из чего они все хлопочут и стараются показать при мне свое усердие?»*
- (7) *Левин смотрел перед собой и видел стадо, потом увидал свою тележку, запряженную Воронным, и кучера, который, подъехав к стаду, поговорил что-то с пастухом; потом он уже вблизи от себя услышал звук колес и фыркание сытой лошади; но он был так поглощен своими мыслями, что он и не подумал о том, зачем едет к нему кучер (Л. Толстой. Анна Каренина).*

Субъект (Левин) в первом фрагменте видит некоторую картину и думает именно о том, что он наблюдает, во втором он также видит нечто, но, поглощенный мыслями о другом, воспринимает все отстраненно. Как и в примерах выше, позиция непосредственного наблюдателя создается разными языковыми средствами, в том числе и множеством атрибутивных словосочетаний с согласованием (*покрытая рига, необсытавшийся пахучий лист, лециновый решетник, облупленные свежие осиновые слезы, соломенная крыша, открытые ворота, сухая и горькая пыль* и др.). Можно говорить об особой роли прилагательных, которые как будто и создают описательность, эффект «наблюдаемости», однако нельзя не согласиться с утверждением Е. М. Вольф, характеризовавшей прилагательное как само по себе не имеющее денотации и соотносящееся с денотатом только посредством опреде-

ляемого им существительного [Вольф 1978: 10–35], т.е. в согласовании с существительным. Отдельно взятые прилагательные такой функции не выполняют. Во втором фрагменте, с отстраненным наблюдателем, преобладает управление (*смотрел перед собой, видел стадо, увидел тележку, запряженная Вороним, подъехав к стаду, поговорил что-то с пастухом, услышал звук и др.*). В том и другом случае синтаксическая связь участвует в моделировании позиции субъекта лишь во взаимодействии с другими средствами, но свою роль в этом моделировании она, очевидно, выполняет.

Художественный текст, однако, «предпочитает» позицию непосредственного наблюдателя. Обращение к текстам иного рода, для которых более характерно отстраненное восприятие, показывает, что в них на первый план выдвигается управление. Так, в ряде официально-деловых текстов (закон, кодекс, инструкция) тип и средства связи, категориальное значение частей речи, лексическое значение и морфологические характеристики компонентов комплексно акцентируют субъектно/объектно-объектные/ субъектные отношения, особенно значимые для такого рода текстов. Возможная замена управления согласованием вносит иные оттенки значений и иные акценты, не соответствующие прагматике исходного текста, ср.:

- (8) *права и свободы граждан* (ср.: *гражданские права и свободы*), *интересы Союза ССР* (*союзные интересы*), *территория Эстонской ССР* (*эстонская территория*), *представители государств* (*государственные представители*) (Уголовный кодекс Эстонской ССР).

В данном случае наблюдается взаимосвязь характера текста и характера синтаксической связи, обусловленная стандартными коммуникативными задачами. Нестандартное соотношение вида связи и индивидуальной авторской установки мы видим, когда автор вместо ожидаемого и потому более нейтрального использует иной тип связи, например:

- (9) *И я думал, что на ней одеяло нашито. Потому что на ней желтые и черные полоски <...> И этот зверь весь в полосках. Желтых и черных.* (Б. Житков. Что я видел); *Вы были женаты? — Ну да, вот же я щелкаю ... На этой ... Вареньке, Манечке ... нет, Вареньке ... еще платье полосатое ... музей ... впрочем, я не помню* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Первый пример — фрагмент текста, в котором повествование ведется от лица ребенка. Первый раз увидев зебру, он воспринимает животное и его постоянный признак как нечто существующее отдельно (*на ней одеяло нашито*, ср.: *полосатая зебра, полосатый тигр*). Затем, зная уже, что бывают полосатые звери, тот же мальчик видит тигра, но полоски в его восприятии не окончательно «сливаются» с животным, что тонко передается исполь-

зованием управления (*зверь в полосках*). Булгаковский контекст моделирует иное восприятие: полоски не являются неотъемлемым признаком платья, оно может быть любимым, однако для рассказчика, очевидно, этот признак «слился» с платьем и женой, что акцентируется согласованием (*платье полосатое*).

Подобное, т.е. замену ожидаемого типа связи другим, мы видим и в примере из разговорной речи, причем говорящий делает это подчеркнуто, используя особую интонацию, с логическим ударением на слове *ноутбук*-*овская*:

- (10) *Зачем тебе сумка для ноутбука/ у тебя же его нет? – Она не для ноутбука – Не-е/ это ноутбуковская сумка/ смотри/ вон у нее отделения...* (из корпуса записей разговорной речи, хранящегося на кафедре русского языка Тартуского университета).

Словосочетанием с управлением *сумка для ноутбука*, говорящий характеризует сумку, но при этом разделяет предмет и признак, что подчеркивается и контекстом (*у тебя же его нет*); словосочетанием с согласованием *ноутбук*овская *сумка* и далее характеризуется только сумка с признаком, предмет, этот признак обусловивший, отходит на второй план.

В примерах (9) и (10) авторы, будь то писатель или обычный говорящий, обыгрывают характер словосочетания, тип связи, передавая тем самым восприятие предмета и признака, что относится к области прагматики.

Рассмотренные выше атрибутивные словосочетания можно сопоставить с явлением, характерным для русского языка в условиях диаспоры, в нашем случае — в Эстонии. Местной чертой русской речи стало распространение полностью или частично калькированных единиц — атрибутивных словосочетаний, обычно являющихся переводом эстонского сложного слова [Костанди 2012: 105]. Многие из них в «местном русском» стали общеупотребительными, например:

- (11) *личный код, больничная касса, налоговый департамент, основная школа, касса по безработице, материнская зарплата, семейный врач.*

Наряду с устойчивыми сочетаниями, такие кальки и полукальки регулярно появляются в разных переводных текстах, например в информационно-рекламных изданиях торговых сетей:

- (12) *чистящая губка, дворовая метла, покрытие на стол, перчатки для работы, сумка для покупок, вешалка из дерева, дворовая свеча, хрустики из горюха, обогреватель воздуха.*

Как отмечалось выше, в русском языке атрибутивные словосочетания чрезвычайно разнообразны по форме, ср.:

- (13) *грозовая туча, прочитанная книга, платье в горошек, очки в оправе, дверь налево, желание уехать, ремень без застежки, кружка из пластика, тетрадь в линейку; зимний лес – лес зимой, письменный стол – стол для письма, ученическая тетрадь – тетрадь ученика; дом кирпичный/ в пять этажей/ с мезонином/ без окон/ отдыха/ отца/ на берегу.*

Формальное разнообразие соотносится с семантическими и прагматическими коннотациями, стилистическими требованиями, ассоциациями и т.п., что не всегда учитывается при переводе. В итоге словосочетания, даже формально и семантически правильные, регулярно воспринимаются русским языковым сознанием как несколько ущербные, что позволяет считать их «слабым местом» переводов [Костанди 2007: 961–966]. Примеры показывают, что прагматические нарушения могут быть вызваны и неудачно выбранной синтаксической связью (часто в сочетании с лексическими, стилистическими и др. нарушениями), ср.:

- (14) *перчатки для работы – рабочие перчатки, вешалка из дерева – деревянная вешалка, сумка для покупок – хозяйственная сумка, хрустики из гороха – гороховые хрустики.*

Характеризуя такие переводы (первые компоненты пар), можно сказать, что формально и семантически они верны, переводчик не нарушил правил, и тем не менее они не совсем удачны. В словосочетаниях с управлением, т.е. с зависимым существительным, акцентируются объектные и обстоятельственные отношения, излишние в контексте, где требуется номенклатурное наименование товара и, возможно, его характерного постоянного признака. Так, первое сочетание (*перчатки для работы*) более уместно в ином контексте: *любые перчатки, которые можно использовать для работы* (ср.: *Эти перчатки — для работы. Нужны перчатки для работы. Возьми перчатки для работы*). Такого же рода нюансы появляются и в других примерах, что подтверждается результатами поиска в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ), который не дал, например, контекстов со словосочетанием *вешалка из дерева*, сочетание же существительного с прилагательным встречается часто, например:

- (15) *Новым в Кольке были тяжелые очки в коричневой оправе, грубой, будто платяная деревянная вешалка (О. Славникова. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки); Белый деревянный столик был обколот ловко собранной белой кисеей, на окнах тоже были чистые занавески <...> деревянная вешалка, закрытая белой простынею, – это было все убранство жилища Полины Петровны и ее ребенка (Н. Лесков. Некуда).*

Частотность словосочетаний с согласованием свидетельствует об их узальности. Анализ языка диаспоры, где распространены сочетания двух су-

ществительных, позволяет говорить о разных проявлениях прагматики перевода: об акцентировании чего-либо, о квалификации переводчика, о привычных речевых практиках, о восприятии адресатом такого перевода как недостаточно естественного и т. д. Таким образом, прагматика подчинительной связи специфически проявляется в условиях распространенности переводов.

Иноязычное влияние в условиях диаспоры сопоставимо с появлением заимствований в русском языке в целом, о чем еще в 1990-е гг. В. Г. Костомаров писал следующее:

«Таким образом, в современном русском языке складывается новый тип определительных словосочетаний или же составных слов, а лучше — чтобы уйти от крайне спорного отнесения их к тем или другим — сказать изафетов, воспринимаемых русским языковым чутьем как семантические универбы, чему способствует их частая деэтимологизация в силу иностранности первоисточника» [Костомаров 1996: 216].

Имеются в виду такие заимствования, как *бизнес-ланч*, *шоп-тур*, *топ-модель*, *ток-шоу*, отличающиеся спецификой синтаксических связей. Поток подобных заимствований или новообразований уже на собственно русской почве был вызван множеством причин, среди которых важны и прагматические: оперативность номинации, простота образования, удобство использования, «престижность» и др. Синтаксическая связь, как видим, и в этом случае имеет прагматическую составляющую.

Итак, обращение к разнородному материалу позволяет предположить, что тип связи соотносится с коммуникативно-прагматическими факторами. Рассмотренные примеры из художественных и официально-деловых текстов, разговорной речи, переводных текстов, синтаксические модели, обусловленные иноязычным влиянием, дают представление о роли подчинительной связи в моделировании позиции субъекта, в передаче авторской установки, языковой игре, о соотносительности характера связи с такими прагматическими факторами, как простота образования, удобство использования. В то же время утверждение, что отмеченные прагматические проявления обусловлены, в числе прочего, характером связи, все же не всегда убедительно. Дополнительным аргументом стало обращение к корпусным данным, частично уже представленным выше. Некоторые корпусные примеры рассматривались и в [Костанди 2012: 104–109], к настоящему времени собран объемный материал, требующий отдельного внимания, в настоящей статье ограничимся наблюдением общего характера.

Введение в поисковую систему НКРЯ словосочетаний, которые вне контекста можно определить как синонимы (*балконная дверь* – *дверь на*

балкон, перчатки для работы – рабочие перчатки, материнская любовь – любовь матери и др.), показало, что они редко встречаются в абсолютно однотипных контекстах, т.е. можно говорить об их «распределении» по контекстам, по-разному описывающим ситуацию. Продемонстрируем это примерами с одной парой словосочетаний:

- (16) *В кабинете, где балконная дверь была распахнута настежь и прохладный ветерок шевелил бумагами, за старинным резным столом сидел крепкий седой мужчина, по-молодому взъерошенный, какой-то не по-нашему свежий и ироничный, и, прищурившись так, что глаз не было видно, говорил (В. Арро. Дом прибежища). За окном свистнул ветер. Балконная дверь скрипнула. Бабушки дома не было (П. Санаев. Похороните меня за плинтусом). Балконная дверь опять задребезжала. Они ушли (Т. Тронина. Ру-салка для интимных встреч). Балконная дверь светилась бледным, печальным светом (Ф. Искандер. Сандро из Чегема).*
- (17) *Они сидели в зашторенной душиной комнате с навеки неподвижными креслами, и дверь на балкон была открыта, и с шестого этажа были видны крыши и пыльное небо (М. Анчаров. Этот синий апрель). Из комнаты — дверь на балкон. Я вышел поглядеть, какой с него открывается вид (И. Грошек. Легкий завтрак в тени некрополя). И вдруг из гостиной, сквозь стеклянную дверь на балкон, я увидел склоненную Ванину голову; Ваня сидела с книгой на балконе <...> (В. Набоков. Соглядатай).*

В примерах (16) существительное *дверь* занимает позицию подлежащего, на котором фокусируется внимание. Согласуемый признак *балконная* может быть заменен другим (*белая, новая* и др.), что не изменит характер предложения, так как признак «слит» с предметом и не выделяется. В примерах (17) «поле зрения» как бы расширяется, через *дверь* происходит движение (взгляда, человека) на *балкон*, представленный как нечто относительно самостоятельное. Можно говорить о том, что использование управления «раздвигает» пространство и вводит процессуальность. Изменяется характер моделирования языкового события, реализующего авторскую установку. Важно подчеркнуть, что такие или иного рода различия можно увидеть на материале десятков и сотен контекстов, которые дает поисковая система.

Итак, разнообразие и многочисленность контекстов, их сопоставление помогают выявить прагматическую составляющую синтаксической связи. Разумеется, полноценный анализ возможен лишь при учете всего комплекса языковых средств, рассмотрение чего бы то ни было, в частности типа связи, в отрыве от этого комплекса неизбежно упрощает картину, однако, как было заявлено выше, анализ собственно прагматики не входил в задачи статьи,

в ней была предпринята попытка продемонстрировать необходимость обращения к разнообразным и многочисленным контекстам для обнаружения роли подчинительной связи в реализации прагматических установок.

Литература

- Арутюнова 1998 — Н. Д. Арутюнова. *Язык и мир человека*. Москва, 1998.
- Вольф 1978 — Е. М. Вольф. *Грамматика и семантика прилагательного*. Москва, 1978.
- Гаспаров 1996 — Б. М. Гаспаров. *Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования*. Москва, 1996.
- Золотова, Онипенко, Сидорова, 1998 — Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. *Коммуникативная грамматика русского языка*. Москва, 1998.
- Иванчикова 1979 — Е. А. Иванчикова. *Синтаксис художественной прозы Достоевского*. Москва, 1979.
- Костанди 1997 — Е. Костанди. *Синтаксическая связь как средство реализации коммуникативно-прагматической установки*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. I. Тарту, 1997, с. 94–104.
- Костанди 1999а — Е. Костанди. *Коммуникативно-прагматическая направленность сочинительной связи (на материале художественного текста)*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. II. Прагматический аспект исследования языка. Тарту, 1999, с. 90–97.
- Костанди 1999б — Е. Костанди. *Некоторые особенности текстовой функции сказуемого*. Sign Systems Studies. Труды по знаковым системам. 27. Тарту, 1999, с. 292–303.
- Костанди 2007 — Е. Костанди. *Прагматика перевода атрибутивных словосочетаний*. Международная конференция «Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы». Гранада, 7–9 мая, 2007. Доклады и сообщения, т. II. Санкт-Петербург – Гранада, 2007, с. 961–966.
- Костанди 2012 — Е. Костанди. *Прагматика атрибутивных словосочетаний: проблемы перевода*. Valoda – 2012. Valoda dažādu kultūru kontekstā. Zinātnisko rakstu krājums XXII. Daugavpils, 2012, с. 104–109.
- Костомаров 1996 — В. Г. Костомаров. «Изафет» в русском синтаксисе словосочетания? Словарь. Грамматика, Текст. Москва, 1996, с. 212–217.
- Ляпон 1986 — М. В. Ляпон. *Смысловая структура сложного предложения и текст (к типологии внутритекстовых отношений)*. Москва, 1986.
- Лекант 1976 — П. А. Лекант. *Типы и формы сказуемого в современном русском языке*. Москва, 1976.
- Санников 2008 — В. З. Санников. *Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве*. Москва, 2008.
- Скобликова 2005 — Е. С. Скобликова. *Согласование и управление в русском языке*. Москва, 2005.

СЛОЖНОЕ СЛОВО И СЛОВСОЧЕТАНИЕ В СВЕТЕ ВНУТРИ- И МЕЖЪЯЗЫКОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

(На материале переводов деловых текстов)

ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА ВЕЛЬМАН-ОМЕЛИНА
ВАЛЕНТИНА ПЕТРОВНА ЩАДНЕВА

Сложное именное слово – именное словосочетание – внутри- и межъязыковое взаимодействие – перевод официально-деловых текстов – эстонский язык – русский язык диаспоры

Результатом мировой глобализации является возрастание роли официально-делового общения между разноязычными сообществами, что обуславливает значимость перевода утилитарных деловых текстов. Исключительную ценность такой перевод приобретает в условиях диаспоры, ибо он не только обслуживает межгосударственные отношения, но и служит каналом, посредством которого предоставляется жизненно необходимая информация носителям русского языка, что особенно важно для тех, кто владеет государственным языком в недостаточной степени. К таким текстам относятся официально-канцелярские деловые бумаги, а также документально-юридические, документально-экономические и документально-технические тексты.

Поскольку по закону о языке в Эстонии официальное общение и делопроизводство во всех государственных органах, учреждениях и в частном секторе осуществляется на эстонском языке, то в условиях диаспоры официально-деловая коммуникация оказывается преимущественно переводной [Щаднева 2009: 233; Щаднева 2011: 540]. Учитывая высокую степень компьютеризации Эстонии, сейчас можно говорить о документной электронизации, которая уже охватывает разнообразные коммуникативные области. Результатом расширения сферы электронного делового общения стало предоставление русскоязычной информации не только в бумажном

виде, но и на интернет-сайтах государственных учреждений и частных фирм. Таков вкратце общий социальный фон делового общения на русском языке в диаспоре [Щаднева 2009: 225–227; Щаднева 2011: 540–542].

Для успешности деловой коммуникации, которая предполагает полное взаимопонимание, в переводе должны быть реализованы как текстовые, так и языковые нормы. В ходе их реализации переводчик неизбежно сталкивается с целым рядом объективных и субъективных проблем, важнейшими из которых являются: 1) существенные различия самих языковых систем, что неизбежно порождает интерференцию; 2) социально и прагматически обусловленные отличия русского языка в России и в Эстонии, что наиболее ярко проявляется в сфере лексики и графики [Щаднева, Кудрявцев 2011: 254–260].

Последнее означает, что русский язык в диаспоре имеет двоякую направленность. С одной стороны, он ориентирован на современный русский язык России; при этом его многочисленные нововведения, норма употребления которых далеко не всегда устоялась и в самой России (в силу лавинообразного характера инноваций и следования современной языковой моде), в диаспоре используются далеко не всегда. С другой стороны, под влиянием государственного эстонского языка русский язык в Эстонии приобретает и собственные новшества, воплощаемые в специфических языковых образованиях, не свойственных русскому языку в России. Иными словами, названные региональные варианты русского языка обладают как общими, так и различающимися языковыми единицами, которые являются следствием и внутриязыкового, и межъязыкового взаимодействия.

Отмеченная выше двунаправленность языка диаспоры неизбежно отражается в переводческом процессе, как и весьма многоплановое взаимодействие контактирующих языков. Такое взаимодействие языковых структур, иными словами, *интерференция* (от лат. *inter-* ‘между собой, взаимно’ и *ferio-* ‘касаюсь, ударяю’) проявляется на всех уровнях языковой системы [Языкознание 1998: 197]. При переводе, как и в процессе индивидуального освоения неродного языка, интерференция — и положительная, и отрицательная — воплощается в уподоблении языковых элементов одного из контактирующих языков языковым элементам другого [см. подробнее: Алимов 2006: 17–20]. Языковая практика свидетельствует о том, что в наше время язык диаспоры — в силу социальных, политических и прагматических причин — испытывает интерференцию со стороны как английского, так и государственного языка страны [Щаднева, Кудрявцев 2011: 254]. Разноуровневое уподобление, приводящее к сближению структур взаимодействующих языков с целью установления однозначного соответствия

между языковыми единицами исходного и переводящего языков, оставляет следы не только в переводном тексте, но и в самой системе языка диаспоры.

Уподобление на уровне лексики и словообразования, как известно, проявляется в семантическом и словообразовательном **калькировании** (*калька* от фр. *calque* 'копия'), которое является особым типом заимствования иноязычных слов [Языкознание 1998: 211]. Не противоречащее законам русского языка **словообразовательные кальки**, т.е. слова, полученные «поморфемным» переводом иностранного слова на русский язык, в случае положительной интерференции не ощущаются как заимствованные слова, например: *влияние* (от фр. *influence*), *небоскрёб* (от англ. *skyscraper*) и др. В современном языке диаспоры наблюдается ряд калек эстонских сложных слов, которые передаются на русский язык словосочетаниями: *sihtasutus* – целевое **учреждение** (реже *фонд*; в России — *фонд*), *peremeditsiin* – **семейная медицина**, *perearst* – **семейный врач**. Напомним, что семейная медицина как служба земского врачевания стала успешно развиваться в России после отмены крепостного права. Названная специальность, утраченная после 1917 года, возродилась в России только в начале 90-х годов прошлого века. Однако употребление составных понятий *семейная медицина* и *семейный врач* (как специалист, который в идеале следит за здоровьем членов семьи всю жизнь) в современной России пока что не стало массовым. Поэтому мы вправе считать, что в условиях современной Эстонии эти русские номинации-словосочетания являются кальками эстонских сложных слов, появившихся в эстонском языке под воздействием английского, поскольку в эпоху глобализации институт *семейной медицины* пришел в Эстонию из северных стран Европы.

В приведенных примерах представлен основной объект нашего анализа: **сложные слова** в соотношении со **словосочетаниями**. Выбор этого объекта обусловлен тем, что переводчику официально-деловых текстов приходится оперировать в первую очередь разнообразными **именными языковыми единицами** — в силу именного характера официально-делового стиля в обоих языках. Но знание этого общего сходства отнюдь не облегчает переводческий процесс, ибо словообразовательные системы исходного и переводящего языков специфичны. В частности, переводчик сталкивается с многочисленными семантически абстрактными **отглагольными производными** обоих языков, однако соответствующие **дериваты-существительные** эстонского и русского языков значительно различаются своей регулярностью и продуктивностью.

В эстонском языке отдельные форманты абстрактных отглагольных образований чрезвычайно регулярны и продуктивны, например, с помощью суффиксов *-mine*, *-us* в эстонском языке образуется огромное количество абстрактных существительных (*-mine* способно присоединяться к основе практически каждого глагола) [ЕКГ 1995: 477–479, 483–489]. В то же время в русском языке абстрактные отглагольные лексемы с точки зрения набора словообразовательных формантов более разнообразны: *-j*, *-иј*, *-ниј*, *-ениј*, *-аниј*, *-ость*, *-к*, *-Ø* и др., однако продуктивность и стилистические свойства русских суффиксов различны (ср. *слежение* и *слежка*). Тем самым русские форманты носят не столь регулярный и предсказуемый характер, например:

- 1) а) *akteerimine* – активирование, *koostamine* – составление, *tarbimine* – потребление, но
б) *kaitsmine* – защита, *keeldumine* – отказ;
- 2) а) *põhjendus* – обоснование, но
б) *vastutus* – ответственность.

Это системное различие языковых структур оригинала и вторичного текста порой осложняет выбор соответствия в процессе перевода, например: *При несчастном случае на производстве установлен определенный порядок рассмотрения случая и извещения о нем.* [Tööinspektsioon: Несчастный случай на производстве].

Но особые проблемы возникают при переводе эстонских **сложных слов**. Сопоставление таких производных лексем с русскими эквивалентами является наглядным свидетельством взаимосвязи между отдельными аспектами языка. Напомним, что по грамматическому строю русский язык является преимущественно **флективным** языком **синтетического** строя, но при этом обнаруживает и отдельные черты изолирующего и агглютинативного типа. Эстонский же, как и другие финно-угорские языки, согласно морфолого-типологической классификации, в первую очередь относится к языкам **агглютинативного** строя (лат. *agglutinatio* ‘приклеивание, склеивание’) [Языкознание. 1998: 17], хотя обладает и флективными элементами. В таких языках словоизменительные морфемы как бы приклеиваются одна к другой — в линейном порядке. Однако сложение нескольких морфем свойственно не только грамматической, но и словообразовательной системе эстонского языка, правда, не столь масштабно, как в финском с присущими ему многокорневыми словами. Хотя деривация в образовании эстонских существительных также представлена, все же обращает на себя внимание явная склонность эстонского языка к склеиванию корневых морфем.

Эта характерная для эстонского словообразования особенность в гораздо меньшей степени свойственна русскому языку, в целом предпочитающему деривационные способы образования слов, а не словосложение.

Обычно словосложение в эстонском языке осуществляется путем присоединения каждого последующего компонента производного слова к генитивной форме существительного, однако в качестве присоединяемой используется и номинативная форма имени [ЕКГ 1995: 457–464]. Чтобы показать, как названное выше системное расхождение сопоставляемых языков отражается в переводе эстонских производных сложносоставных лексем, перечислим наиболее типичные по форме русские соответствия:

- 1) **однокорневое слово – однокорневое слово:** *tellija* – заказчик; *tehing* – сделка; *näitaja* – показатель; *leping* – договор;
- 2) **двукорневое слово – однокорневое слово:** *leppetrahv* – неустойка; *töövõtja* – подрядчик; *enampakkumine* – аукцион; *võlausaldaja* – кредитор;
- 3) **двукорневое слово – двукорневое слово:** *asjaajamine* – делопроизводство; *tööandja* – работодатель; *kaubakäive* – товарооборот;
- 4) **двукорневое слово – словосочетание из относительного прилагательного и существительного:** *esindustegevus* – представительская деятельность; *ametijuhend* – должностная инструкция, *elamuehitus* – жилищное строительство; *riigilõiv* – государственная пошлина; *aktsiaselts* – акционерное общество; *perekonnapõigus* – семейное право; *korterühistu* – квартирное товарищество; *laenuraha* – кредитные деньги; *võlakiri* – долговая расписка;
- 5) **двукорневое слово – словосочетание из двух существительных:** *juhiabi* – ассистент руководителя; *perekonnaliige* – член семьи; *valuutavahetus* – обмен валюты; *hooldusnõukogu* – совет по опеке; *konfidentsiaalsusnõue/ konfidentsiaalsusenõue* – требование конфиденциальности; *majutussektor* – сектор размещения; *usaldusühing* – товарищество на вере/ коммандитное товарищество; *kohtuotsus* – решение суда/ судебное решение; *kindlustusleping* – договор страхования/ страховой договор;
- 6) **трехкорневое слово – словосочетание из двух существительных:** *töövõtuleping* – договор подряда; *väärteoprotokoll* – протокол о проступке;
- 7) **трехкорневое слово – словосочетание из инициального прилагательного и двух существительных:** *rõhitöökoht* – основное место работы;

- 8) **трехкорневое слово** – словосочетание из существительных или их комбинации с прилагательными: *kinnisvarahindaja* – оценщик недвижимости/ оценщик недвижимого имущества; *tuletõrjenõuded* – требования (противо)пожарной безопасности/ противопожарные требования;
- 9) **трехкорневое слово** – словосочетание из трех существительных: *korrakaitsebüroo* – бюро охраны порядка;
- 10) **четырёхкорневое слово** – словосочетание из двух существительных: *vaerahuläbirääkimised* – переговоры о перемирии;
- 11) **четырёхкорневое слово** – словосочетание из трех существительных и одного прилагательного: *liiklusjärelvalvetalitus* – отдел по надзору за дорожным движением.

Уже этот небольшой перечень языковых фактов, представляющих разные словообразовательные и синтаксические структуры, свидетельствует о том, что, несмотря на наличие в обоих языках вариантных единиц, наиболее типичными соответствиями эстонским сложным словам являются не русские сложные слова, а русские словосочетания автономных слов, ибо русский язык стремится эксплицировать отношения между соседствующими значениями, а эстонский эти отношения имплицитует в семантике сложного слова. Такие **базовые именные атрибутивные словосочетания-эквиваленты** могут состоять из: 1) **прилагательного и существительного** или 2) **двух существительных**. Активность перевода сочетанием прилагательного (обычно — относительного) и существительного связана с тем, что в русском языке имеется около 50 суффиксов прилагательных, а в эстонском их около десятка, что обусловлено **агглютинативностью** эстонского языка. На основе этих базовых словосочетаний создаются более крупные комбинации существительных и прилагательных.

При переводе эстонского сложного слова русским **словосочетанием из прилагательного и существительного** воспроизводится порядок корней эстонского исходного слова. В случае же перевода сложного слова **субстантивным генитивным словосочетанием** из двух или нескольких существительных (т.е. словосочетаний с зависимым родительным падежом), исходный порядок корней не воспроизводится, поскольку на уровне словосочетания наблюдаются существенные различия в синтаксисе порядка слов эстонского и русского языков [подробнее см.: Щаднева, Веллеару 2002: 42–47]. Иными словами, при переводе эстонского сложного слова действуют те же закономерности, что и при переводе эстонских именных словосочетаний. Сопоставляемые языки отличаются направлением линейной зави-

симости: если в русском языке каждый новый компонент генитивного словосочетания присоединяется к стержневому слову **справа**, то в эстонском для большинства семантических моделей словосочетания — **слева** от главного слова [там же: 43–44]. Некоторым исключением из основного правила эстонского языка являются синтаксические единицы с семантическими отношениями **меры** и **количества**. В этом случае в обоих языках наблюдается одинаковый порядок слов: *tonn briketti* – *тонна брикета* и т.п. [там же: 44]. Тем самым в процессе переводческого калькирования семантической структуры **эстонских сложных лексем** в правильном русском соответствии наблюдается такой же порядок слов, как и при переводе **эстонских синтаксических единиц в форме именных словосочетаний**. Сказанное можно проиллюстрировать двумя схемами. В первой схеме представлен перевод двукомпонентного эстонского словосочетания и двукомпонентного сложного слова:

Схема 1

Вторая схема иллюстрирует перевод трехкомпонентного эстонского словосочетания и трехкомпонентного сложного слова:

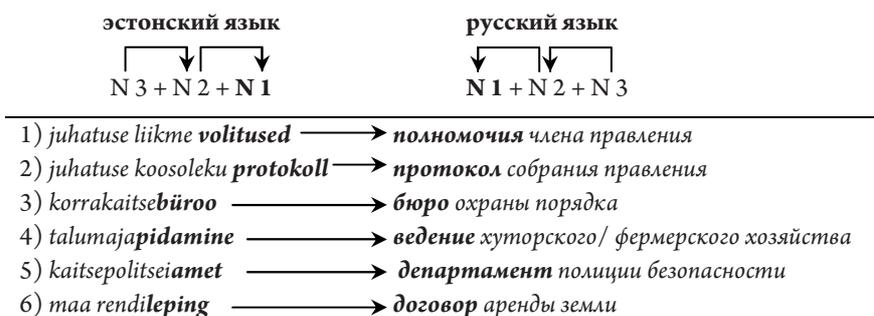

Схема 2

Кроме цепочек существительных с зависимым родительным падежом при переводе сложных слов наблюдаются и предложно-падежные формы: *väärteoprotokoll* – протокол **о проступке**; *liiklusjärelvalvetalitus* – отдел **по надзору** за дорожным движением; *hooldusnõukogu* – совет **по опеке**; *kaubaveotasu* – фрахт/ плата **за перевозку**/ плата **за провоз**. Иначе говоря, перевод эстонских сложных слов может осуществляться не только генитивными формами и их цепочками, но и формами других падежей — в соответствии с устоявшимися в языке перевода нормами. Если переводчик не учитывает семантический состав исходной эстонской лексемы, то нормы русского литературного языка нарушаются: *tarbijakaitseadus* – *закон **потребителей** вместо правильного закон **о защите прав потребителей**. Однако, с точки зрения типичности, отмеченный ранее основной способ перевода посредством словоформ зависимого родительного падежа явно преобладает. Следует подчеркнуть, что указанные различия двух сопоставляемых языков свойственны языковым системам в целом, но в сугубо книжном официально-деловом стиле специфика языков проявляется в полной мере.

Тем самым очевидно, что в структурах обоих языков словообразование и синтаксис взаимосвязаны, однако в соотношении эстонского сложного слова и словосочетания эта взаимосвязь, пожалуй, более тесная и наглядная, что отражается в наборе формальных и смысловых правил слитного и раздельного написания эстонских слов [*Eesti keele käsiraamat*]. Хотя проблема слитного и раздельного написания значима и для русской орфографии, однако субстантивы она затрагивает не в такой степени, как в эстонском языке.

В условиях глобализации современная речевая практика благоприятствует не только проникновению в нормированный язык новых слов, но и укреплению в целом периферийных для русского языка словообразовательных моделей, а также увеличению числа их разновидностей, чему способствуют многочисленные лексические заимствования из английского языка [Крысин 2007: 9]. Активизация такого структурного типа слов, как *бизнес-план*, *пиар-менеджер* и под. с препозитивным присоединением к знаменательному слову аналитических, по определению М. В. Панова, прилагательных [Панов 1971: 240–253] сейчас наблюдается в самых разных сферах общения, в том числе и в официально-деловой. В свое время М. В. Панов выделил 14 разрядов таких аналитических прилагательных [там же]. Л. П. Крысин обращает внимание на то, что в качестве аналитического прилагательного выступают слова, которые могут существовать и в виде склоняемых существительных или прилагательных: речь может идти

«и о более традиционных для системы русского синтаксиса генитивных словосочетаниях типа *план бизнеса, карта Интернета* или о предложно-падежных конструкциях: *план по бизнесу; карта для Интернета*; кроме того, вполне в духе языка употребить и относительное прилагательное, образованное от такого существительного: *бизнесный план, интернетная карта*, но ни современная речевая практика, ни тем более литературная норма не воспользовались возможностью образования таких прилагательных» [Крысин 2007: 9].

Следовательно, в данном случае речь идет не об абсолютной новизне того или иного способа словообразования для русского языка, а о высокой степени встречаемости в современной речи словосложения слов: а) на основе сращения сочинительно-соединительного значения или же б) на основе склеивания слов, связанных подчинительными отношениями. В этом процессе участвуют и разнообразные заимствованные аббревиатуры (современные разновидности аббревиации в данной статье отдельно не рассматриваются). В отличие от образований предыдущих эпох — например, а) *музей-квартира, выставка-продажа, ракета-носитель, двести сорок шесть* и б) *быстрорастворимый, фосфорсодержащий* и т.п. — в наше время по сути дела агглютинативные лексические единицы возникают на базе соединений с **заимствованными** (в основном из английского) **компонентами**, которые при написании могут иметь и нетранслитерированные варианты: *интернет-банк* (в России используется и слово *Интернет-банкинг*), *интернет-супермаркет, допинг-контроль, допинг-тестирование, хэдхантер, медиа-байер, helpdesk-услуги* и т.п. Последние три примера, как и значительная часть многих других инноваций русского языка России, чужды и русскому языку диаспоры, и эстонскому языку. Отсутствие многих заимствований русского языка России становится следствием ориентированности языка диаспоры на эстонский язык как государственный, а также повышенной мотивированности и прагматичности (в отличие от чрезмерно креативного характера языковых инноваций в России). Обладая единой базой языковых средств, региональные варианты русского языка в эпоху глобализации все-таки отличаются своими предпочтениями.

Заимствованные лексемы способны порождать целые блоки производных сложносоставных слов, число которых постоянно растет. Подобные новообразования в русском языке России и Эстонии могут совпадать, но они ограничены особенностями употребления и степенью распространенности. Это наглядно проявляется в сращениях с компонентом «спа», хоть и спорным с точки зрения происхождения [Википедия. Спа; Википедия. Спа], однако пришедшим в современные европейские языки из английского. В следующих примерах языковые единицы, совпадающие в России и

Эстонии, снабжены и эстонскими соответствиями (даются и варианты написаний, если они были обнаружены):

спа-курорт/ спа-санаторий – spaa-kuurort/ spa-kuurort/ SPA-kuurort (от *spa resorts*); *спа-индустрия – SPA-tööstus* (от *spa industry*); *спа-сервис/ спа-услуга – spa-teenus/ SPA-teenus/ spateenus* (от *spa service*); *спа-отель – spa hotel/ Spaa Hotell*; *спа-продукт* (от *spa product*), *спа-стандарты* (от *spa standards*), *спа-этикет* (от *spa etiquette*) и под.

При этом слова *спа-отдых/ SPA-отдых – SPA-puhkus/ SPA puhkus/ spaa-puhkus*; *спа-пакет – Spa pakett/ SPA-pakett/ spaapakett* получили распространение в основном в Эстонии, однако в целом список данного словообразовательного гнезда является открытым и постоянно пополняется: *SPA кухня/ СПА-кухня/ спа-кухня; спа-меню, SPA-питание, спа-лечение, СПА-центр* и др.

Заемствованные английские аббревиатуры также способны порождать большое количество производных слов, но региональному эстонскому варианту русского языка они свойственны не всегда, в частности лексемы следующего словообразовательного гнезда и для русского языка в Эстонии, и для эстонского языка почти не характерны: *VIP-клиент, VIP-инвестиции, VIP-тариф, VIP-отдых, vip-обслуживание, vip-зал* и т.п. Для обозначения разных сложносоставных новообразований с препозитивным неизменяемым иноязычным компонентом наиболее удобным, по-видимому, можно признать термин «композит». Причины предпочтения композитов, т.е. склеивания изначально полнозначных лексем или же аббревиатур с полнозначным словом (с преобладанием дефисного написания: *PDF-формат – PDF-vorming*), можно усмотреть не только в экономии языковых усилий, но и в языковой моде, а толчком для порождения таких нововведений являются языковые контакты. С теоретической точки зрения развитие данного чрезвычайно актуального в наше время класса слов, по сути дела, свидетельствует о росте элементов агглютинативности (аналитичности) и в русском языке, преимущественно синтетическом по морфологическому строю.

Приведенные инновации характеризуются значительной формальной и смысловой автономностью компонентов, которая отражается в разных орфографических написаниях, иными словами, в таких случаях проблемным порой оказывается не столько сам перевод, сколько отсутствие орфографического стандарта. В целом подобные типы производных слов занимают промежуточное положение между словом и словосочетанием, что более наглядно отражается в эстонских соответствиях, которые чаще, чем русские эквиваленты, пишутся слитно.

В условиях диаспоры можно говорить не только о переводческом взаимодействии разных контактирующих языков, но и о влиянии государственного языка на язык диаспоры, поскольку в ситуации этнолингвокультурного взаимодействия представители диаспоры вынуждены ориентироваться не только на языковые стереотипы, свойственные метрополии, но и на языковые привычки того конкретного общества, в котором они живут. Поэтому — в силу прагматических причин — язык диаспоры не может быть абсолютно идентичным языку метрополии. Иными словами, далеко не все отличия языка диаспоры от языка метрополии можно считать аномальными. К удачным калькам можно отнести не актуальные для языка метрополии сочетания типа *haigekassa* – *больничная касса*, *perearst* – *семейный врач* и др. Но буквализм при переводе эстонских сложных слов может приводить и к неудачному словоупотреблению: *tööprakkimine* – *предложение работы (вместо *вакансия*), *valguskivi* – *светокамень (вместо *светодиодная брусчатка*), *kööktuba* – *комната с плитой – (вместо *комната-кухня*) и др. Такие случаи буквального перевода еще больше подчеркивают значимость овладения переводческими трансформациями [Вине, Дарбельне 1978: 157–167].

Итак, анализ материала показывает, что между эстонскими и русскими языковыми единицами возможны переводческие соответствия как **одного и того же**, так и **разных уровней** языка, т.е. при переводе сложных слов осуществляется **своеобразное межуровневое взаимодействие** контактирующих языков. Это взаимодействие обусловлено их типологическими характеристиками, которые проявляются во всех звеньях языка. Изучение взаимосвязи сложного слова и словосочетания еще раз доказывает, что лексика и грамматика при переводе не могут рассматриваться изолированно, ибо они находятся в сложном **внутриязыковом взаимодействии**, обусловленном закономерностями того или иного языка. В процессе перевода это взаимодействие отражается уже как **межъязыковое взаимодействие**, которое вынуждает переводчика преодолевать системные расхождения между языками путем лексических, грамматических и комплексных лексико-грамматических межъязыковых преобразований.

Литература

Алимов 2006 — В. В. Алимов. *Теория перевода. Перевод в сфере профессиональной коммуникации*. Москва, 2006.

Википедия. Spa — *Википедия. Spa*. Веб-ресурс: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Spa> (дата последнего просмотра: 20.03.2013).

Википедия. Спа — *Википедия. Спа*. Веб-ресурс: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BF%D0%B0> (дата последнего просмотра: 20.03.2013).

Вине, Дарбельне 1978 — Ж.-П. Вине, Ж. Дарбельне. *Технические способы перевода*. Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. Москва, 1978, с. 157–167.

Крысин 2007 — А. П. Крысин. *Русская литературная норма и современная речевая практика*. Русский язык в научном освещении. № 2 (14). Москва, 2007, с. 5 – 17.

Панов 1971 — М. В. Панов. *Об аналитических прилагательных*. Фонетика. Фонология. Грамматика: К 70-летию А. А. Реформатского. Москва, 1971, с. 240–253.

Щаднева, Веллеару 2002 — В. Щаднева, В. Веллеару. *О порядке слов в субстантивно-атрибутивном словосочетании*. Valoda – 2002. Valoda dažādu kultūru kontekstā. Humanitārās fakultātes XII zinātniskie lasījumi. 2. daļa. Daugavpils, 2002, с. 42–47.

Щаднева 2009 — В. П. Щаднева. *О месте и лингвистических особенностях русских официально-деловых текстов в языковой ситуации современной Эстонии*. Humaniora: Lingua Russica. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII. Tartu, 2009, с. 224–242.

Щаднева 2011 — В. П. Щаднева. *Характеристика современного эстонско-русского перевода утилитарных официально-деловых текстов*. Русистика и современность. Сборник научных статей. Рига, 2011, с. 540–545.

Щаднева, Кудрявцев 2011 — В. П. Щаднева, Ю. С. Кудрявцев. *Языковые нормы и речевые аномалии: к вопросу о вариативности языковых средств в языке метрополии и диаспоры*. Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XIV. Развитие и вариативность языка в современном мире II. Tartu, 2011, с. 246–265.

Языкознание 1998 — *Языкознание. Большой энциклопедический словарь*. Гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. Москва, 1998.

EKG 1995 — M. Erelt jt. *Eesti keele grammatika I. Morfoloogia. Sõnamodustus*. Tallinn, 1995.

Eesti keele käsiraamat — *Eesti keele käsiraamat. Ortograafia. Kokku- ja lahkukirjutamine*. (Eesti Keele Instituut). URL: <http://www.eki.ee/books/ekk09/index.php?p=2&p1=8&id=53> (дата последнего просмотра: 20.03.2013).

Tööinspeksioon: Несчастный случай на производстве — *Tööinspeksioon: Гигиена и безопасность труда/ Несчастный случай на производстве*. Веб-ресурс: <http://www.ti.ee/index.php?page=1019&> (дата последнего просмотра: 20.03.2013).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

<p>Абисогомян И. 32, 36, 38, 41, 114,
122</p> <p>Абодич А. 170</p> <p>Аванесов Р. И. 104, 107</p> <p>Авилова Н. С. 70, 81</p> <p>Адамсон И. В. 211, 212, 214, 218</p> <p>Аделунг Й. Х. 36</p> <p>Ајдуковић Ј. 177</p> <p>Алексеева И. С. 213, 214, 218</p> <p>Алимов В. В. 248, 257</p> <p>Амфилохий 49</p> <p>Андерсен Х. К. 34</p> <p>Андреевский И. Е. 141</p> <p>Анчаров М. 245</p> <p>Арро В. 245</p> <p>Арутюнова Н. Д. 64, 68, 235, 246</p> <p>Архангельский А. С. 141</p> <p>Багалеј Д. И. 141</p> <p>Бартольд В. 146</p> <p>Бархударов А. С. 212, 218</p> <p>Белецкий Р. 191</p> <p>Бергер Т. 32</p> <p>Березович Е. Л. 92, 96</p> <p>Бернатъ П. 151</p> <p>Бестужев-Рюмин К. Н. 141</p> <p>Бирих А. К. 122</p> <p>Бобраков-Тимошкин А. 34, 35, 41</p> <p>Богданова Н. Н. 70, 72, 74, 75, 77,
81, 82</p> <p>Бодуэн де Куртенэ И. А. 141, 142,
143, 145, 199, 200, 210</p> <p>Больш-Палиевская Д. 203, 210</p> <p>Больцано Б. 35</p> <p>Большакова Н. В. 97</p> <p>Боровска-Петерсон С. 187</p> <p>Бродій А. И. (Бродий) 151, 161, 166</p> <p>Брок С. 106, 107</p> | <p>Брокгауз Ф. А. 140, 141, 143,
146, 147, 148</p> <p>Булгаков М. А. 240, 241</p> <p>Булич С. К. 141, 143, 144,
145, 146, 148</p> <p>Бунин И. А. 239</p> <p>Бурдакова О. Н. 70, 72, 74, 75, 77,
81, 82</p> <p>Былинин В. К. 55, 57</p> <p>Вагнер А. 169</p> <p>Варга 170</p> <p>Васелевска М. 191, 192</p> <p>Василенко М. 162</p> <p>Вегеш М. 151, 165</p> <p>Веллеару В. 252, 258</p> <p>Верещагин Е. М. 47, 57</p> <p>Веселовский А. Н. 141</p> <p>Вине Ж.-П. 257, 258</p> <p>Виноградов В. В. 70, 82</p> <p>Виноградов Є. 152, 166</p> <p>Войнович Т. 177</p> <p>Волошин А. 152, 164, 166</p> <p>Вольф Е. М. 240, 241, 246</p> <p>Вомм С. 191</p> <p>Врабель М. 169</p> <p>Вуйчик А. 183</p> <p>Габріел Е. 163</p> <p>Газеева Е. Н. 83</p> <p>Галуцких И. А. 73, 82</p> <p>Гарайда І. А. (И.) 153, 154, 155,
159, 163, 165</p> <p>Гарбовский Н. К. 212, 213, 218</p> <p>Гаспаров Б. М. 235, 246</p> <p>Гердер И. Г. 35</p> <p>Гильфердинг А. Ф. 49</p> <p>Гичка А. 152, 166</p> <p>Гладкова Г. 31, 40, 41</p> |
|--|---|

- Гланц Т. 31, 35, 38, 39, 41
 Гор К. 83
 Горнфельд А. Г. 141
 Горняк-Кухар М. 177
 Горти М. 152
 Грига М. 162
 Григаший Ю. 164
 Григорий, писец Остромирова
 Евангелия 49
 Гримм Я. 36
 Гримм В. 36
 Грошек И. 245
 Густавсон С. 177

 Даль В. И. 110, 111, 122
 Дарбельне Ж. 257, 258
 Демко М. 166
 Дзендзелівський Й. О. 165, 166
 Дідик В. 155, 165
 Добровский Й. 36
 Долматовский Г. П. 155
 Дудаш В. 164
 Дуличенко А. Д. 17, 58, 82, 124,
 139, 169, 170, 177, 207, 209, 210
 Духнович А. В. 155

 Евстратова С. Б. 211, 219
 Ефремова Т. Ф. 72, 82
 Ефрон И. А. 140, 143, 146,
 147, 148

 Жданова В. 199, 201, 204,
 205, 210
 Желтов М. 105, 108
 Живаева О. О. 105, 108
 Житков Б. С. 241
 Журавлев В. К. 31, 41

 Задорожній В. 166
 Зализняк А. А. 105, 108

 Зелинский Ф. Ф. 141
 Земская Е. А. 83, 199, 210, 212, 219
 Златоуст Иоанн 107
 Золотова Г. А. 237, 246
 Золтань Ю. 163

 Иванчикова Е. А. 235, 246
 Ильницький А. (Ильницький, Иль-
 ницькій, Илницькій) 153, 155, 156,
 157, 158, 159, 163, 164, 165
 Иоанн, митрополит 49
 Исаченко А. В. 70, 82
 Искандер Ф. 245
 Исмагилов Н. Н. 97

 Кальюсте Т. 188, 189
 Калюта А. М. 177
 Капраль М. 150, 153, 154,
 155, 156, 157, 161, 165, 166
 Карацић В. С. 110, 123
 Карцевский С. И. 70, 82
 Кирпичников А. И. 141
 Кирский Ф. 101
 Кожухаров С. 47, 50, 57
 Колас Я. 21
 Комиссаров В. Н. 213, 219
 Контратович И. 154
 Костанди Е. И. 212, 214, 215, 219,
 235, 236, 242, 243, 244, 246
 Костельник Г. 170, 177
 Костомаров В. Г. 70, 82, 244, 246
 Коцак А. 167, 168
 Кочиш М. М. 18, 19, 20, 173, 177
 Крамериус В. М. 33
 Кривко Р. Н. 50, 57
 Крымский А. Е. 141
 Кудрявский Д. Н. 141, 144, 145
 Кудрявцев Ю. С. 214, 220, 248, 258
 Курсите Я. 59

- Кутка Й. 168
 Кутланъ А. (Кутлан) 158, 159, 162
 Кюльмоя И. П. 81, 96, 97, 211, 214, 219

 Лабаничъ В. 160
 Лабош Ф. 168, 177
 Ламанский В. И. 141
 Лаптева Л. П. 38, 41
 Ларин Б. А. 122
 Лекант П. А. 235, 246
 Лесков Н. С. 243
 Линде С. Б. 36
 Лисовой П. Н. 149, 166
 Лозовая И. Е. 107, 108
 Лопатин В. В. 82
 Лукашевич А. А. 105, 108
 Лучкай М. 167
 Ляпон М. В. 235, 246

 Маалманн А. 59
 Магочій П. Р. (Магочи) 155, 165
 Майор М. 185, 186
 Макай М. 170
 Малацко В. 17
 Малеин А. 146
 Малиничъ Э. 155
 Маркович О. В. 123
 Мартинъ И. 162
 Матейко Л. 47
 Матулевска А. 192
 Медеши Г. 177
 Медиоланский А. 101
 Медынцева А. А. 103, 104, 105, 108
 Менг К. 199, 210
 Миз Р. 171, 173, 177
 Миллер В. Ф. 141
 Миравчик Г. (Мирявчик) 155, 156, 161, 162, 165

 Михеев С. М. 101
 Мицкевич А. 191
 Мокиенко В. М. 117, 120, 122, 123
 Морозова М. И. 71, 82
 Мудри М. 170
 Мурзаев Э. М. 92, 93, 94, 96
 Мурникова Т. Ф. 89, 91, 96
 Мурьянов М. Ф. 49, 58
 Мыльников А. С. 33, 35, 38, 41

 Набоков В. В. 245
 Надъ Г. Г. 170, 177
 Наум Охридский 50
 Неверкла С. М. 32
 Немет А. 153, 156, 163
 Нестор 54
 Нечунаева Н. А. 44, 46, 48, 58
 Нецименко Г. П. 34, 41
 Никитин О. В. 140, 148
 Никитина С. Е. 60, 68
 Никифорова А. Ю. 49, 58
 Никифорова С. А. 177
 Номис М. 110, 111, 123
 Норман Б. Ю. 207, 210
 Нурмик М. 181, 182

 Онипенко Н. К. 237, 246
 Ориген 101
 Ортутай Т. 155, 156
 Офіцинський Р. 158, 166

 Павло П. 170
 Паликова О. Н. 84, 91, 93, 97, 180, 192, 216, 219
 Панов М. В. 254, 258
 Паулини Е. 20
 Пельцль Ф. М. 37
 Пентковский А. М. 105, 108
 Пеньковский А. Б. 234
 Песнописец Йосиф 106

- Петерсон М. 187
 Петр Я. 37
 Петрикъ Е. 165
 Пешковский А. М. 144
 Пирогов Н. И. 88
 Плаат Я. Э. 89, 97
 Плішкова А. 167, 168, 177
 Погодин А. 146
 Подольская Н. В. 84, 97
 Попович М. 168
 Прокопиус Я. 36
 Протасова Е. Ю. 199, 206, 210
 Пушкин С. 197
 Пыпин А. Н. 141

 Райд А. 179
 Рамач М. 177
 Рамач Ю. 168, 177, 178
 Рамач Я. 177
 Реформатский А. А. 258
 Росс Э. 179, 192

 Самуйлова К. С. 70, 82
 Санаев П. 245
 Санников В. З. 235, 236, 246
 Свистунова Т. И. 71, 82, 83
 Сепре В. 183
 Сепре Р. 183
 Сергей, архиеп. 47, 58
 Серегина Н. С. 53, 58
 Сиглер Г. 151
 Сидор Д. 178
 Сидорова М. Ю. 237, 246
 Сириин Е. 101, 102, 103,
 105, 106, 107, 108
 Скабалланович М. С. 105, 108
 Скобликова Е. С. 235, 236, 237, 246
 Скоморовский Е. 181, 182
 Славейков П. Р. 110, 123

 Смирнов С. 179
 Соколова О. Г. 84, 85, 97
 Соловьев С. В. 142
 Степанова Л. И. 120, 122, 123
 Стефанчик В. 190
 Стороженко Н. И. 141
 Струве Ф. Г. Х. 86
 Студит Алексей 105, 108
 Суперанская А. В. 97
 Супрун А. Е. 177

 Там В. 33
 Там К. И. 36, 38, 39, 40, 41
 Тедер К. 181, 182, 192
 Темчин С. Ю. 103, 108
 Тихонов А. Н. 72, 83
 Толстая С. М. 62, 64, 65, 69
 Толстой Л. Н. 240
 Толстой Н. И. 19, 20, 21, 45, 58,
 69, 119, 123
 Томса Ф. Я. 38
 Тот С. 191
 Тронина Т. 245
 Трофимов А. М. 84, 88, 97
 Турияница В. В. 163, 166
 Тыниссон Я. 86

 Удварі І. 165, 168, 178
 Улуханов И. С. 70, 83
 Успенский Ф. И. 141
 Федака С. Д. 151, 165

 Федоръ П. 162
 Фейса М. (Фейса) 170, 177
 Фенцик С. А. (Фенцикъ) 150, 151,
 160
 Флайшханс В. 109
 Франко І. 111, 123
 Фужерон И. И. 82

- Хайнас В. 149, 165
Хатлас К. 187
Холошняя М. 178
Холошняя-Матійов М. 168, 169, 170, 178
Хорњак М. 178
Худа В. 164
Хурт Я. 87
- Цейтлин С. Н. 71, 83
Чаварга I. М. 152, 164
Черниговская Т. В. 71, 83
- Чехов А. П. 239
Чмейркова С. 31
- Шарыгин М. Д. 84, 88, 97
Шахматов А. А. 141, 146
Шведова Н. Ю. 82, 234
Шерегій В. (Шерегий) 158, 159
Шиндлер Н. 199, 210
Широкова А. Г. 33, 34, 41
Шмелев А. Д. 64, 69
Шмелев Д. Н. 83
Шор Т. К. 90, 97
Шпакъ И. Г. 161
Шпеникъ В. 162
Шпет Г. Г. 147, 148
Шухардт Х. 199
- Щаднева В. П. 89, 90, 97, 211, 212, 214, 219, 220, 247, 248, 252, 258
Щепкин В. Н. 103, 104, 105, 108
Щерба Л. В. 200, 207, 210
- Эрин Л. 190
- Юнгманн Й. 36, 37, 38, 39
Ягич И. В. 47, 58
Якобсон Р. О. 70, 207
Ярцева В. Н. 258
- Ágota Sz. 150, 152
Ajduković J. 177
Anstatt T. 199, 207
- Bakker P. 198, 202, 208, 209
Balás V. 159
Bartoszewska J. 123
Beger M. 203, 208
Berend N. 199, 208
Berger T. 32, 42
Bielecki R. 191, 193
Biljnja V. 177
Blahoslav J. 114
Blankenhorn R. 198, 208
Bolton K. 198, 208
Bolzano B. 35
Borowska-Peterson S. 187, 193
Brehmer B. 197, 199, 208
Bura R. 125, 138, 139
- Cuřín F. 33, 42
- Čelakovský F. L. 110, 111, 112, 113, 114, 115, 117, 118, 120, 121
- Dal V. I. 109, 110, 111, 118
Damborský J. 184, 193
Daneš F. 221, 231
Dieser E. 199, 207
Dobrowsky J. (Dobrovský) 33, 36, 37, 42, 111, 114, 115
Dvořák J. 233
Dvořák K. 111
- Erelt M. 258
Erfurt J. 198, 207, 208
Erin L. 190, 193
- Faska H. 138
Filipec J. 36, 42

- Flajšhans V. 42, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122
- Fljašhans V. 36, 42
- Földes C. 198, 208
- Franko I. 111
- Fredstet E. 198, 208
- Gebauer J. 115
- Gézáné L. 150, 152, 166
- Gippius A. A. 101, 105, 108
- Gladkova H. 41
- Goldbach A. 199, 204, 205, 208
- Golovko E. V. 198, 202, 206, 208
- Grepl M. 224, 233
- Grimm J. 36
- Grimm W. 36
- Groh K. 115, 122
- Gzella H. 101, 105, 108
- Hanka V. 115
- Havránek B. 33, 37, 38, 42
- Helcl M. 37, 42
- Herder J. G. 35
- Hinnenkamp V. 207, 208, 209
- Horbal B. 165
- Hus J. 114
- Hynek A. 111, 121
- Jakobson R. O. 70, 83, 207, 209
- Jakubaš F. 124, 126, 127, 128, 130, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138
- Jelínek M. 31, 42
- Jenč R. 127
- Jentsch H. (Jenč) 125, 127, 137
- Jungmann J. 37, 38, 42
- Kachru B. B. 198, 208, 209
- Kaljuste T. 188, 189, 193
- Káprály M. 159, 161, 166
- Karadžič V. 110
- Karl K. B. 199, 209
- Karlík P. 42, 224, 233
- Karolak S. 230, 233
- Komenský J. A. 110
- Kořenský J. 221, 222, 233
- Kowalowa G. 183, 193
- Krafčík P. A. 165
- Kral J. 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 136, 137
- Krčmová M. 42
- Kubka F. 35, 42
- Kuše H. 199, 207, 209
- van Leeuwen-Turnovcová J. 119, 122
- Levkovych N. 199, 209
- Lewaszkiwicz T. 124, 138, 139
- Lian H. M. 198, 209
- Macura V. 38, 42
- Magocsi P. R. 165
- Major M. 185, 193
- Malčík P. 233
- Mareš F. 116, 122
- Masaryk T. G. 112
- Matejko L. 47, 50, 58
- Matras Y. 198, 209
- Matulewska M. 188, 191, 193
- Melicherčík A. 122
- Meng K. 199, 202, 207, 209
- Měrcínek J. 127
- Meškank T. 127
- Michálek E. 114, 115, 122
- Michałk F. 127
- Mikheev S. M. 101, 105, 108
- Mokienko V. (Mokijenko W.) 122, 123
- Muha A. V. 222, 231, 232, 234

Müller B.	198, 209	Stěpanova L.	122
Nawka A.	137, 139	Stolz Ch.	42
Newerkla S. M.	32, 37, 42	Stone G.	125, 139
Nomis M.	110, 112	Straníková J.	119, 122
Novák J. V.	111, 121	Strasser K. F.	35
Nurmik M.	181, 193, 182	Šerakowa J.	127
Orešnik J.	234	Šewc H.	137, 139
Pabst B.	199, 209	Šmilauer V.	115, 122
Pauliny E.	122	Šoltys O.	221, 234
Peterson M.	187, 193	Štítný T. ze Štítného	114
Petr J.	37, 42	Švedova N.	222, 234
Pful K. B.	124, 125, 127, 128, 129,
130, 131, 132, 133, 134, 136, 137	Tétu M.	198, 210
Piper P.	231, 234	Tham K. I.	36, 37, 39, 40, 42, 43
Platt J.	198, 209	Thomason S. G.	198, 200, 209, 210
Pleskalová J.	42	Tolstoj N. I.	119
Plishkova A.	167, 177	Tomsa F. J.	39, 42, 43
Polinsky M.	199, 209	Toporišič J.	221, 234
Pražák A.	110, 115, 122	Toroczkoí J.	159
Protassova E.	199, 202, 209	Tóth S.	191, 193
Raid A.	179, 193	Trubeckoj N. S.	119
Rehder P.	207, 209	Večerka R.	42
Rethage W.	199, 209	Völkel P.	124, 127, 128, 129, 130,
132, 133, 134, 135, 136, 137, 138
Rězák F.	124, 125, 126, 127, 128, 129,
130, 131, 132, 133, 134, 136, 137	Walter H.	123
Rusinko E.	165	Wander K. F. W.	109
Salwa P.	183, 193	Wasielewska M.	188, 191, 193
Schaeken J.	101, 105, 108	Weber H.	198, 209
Schuster-Šewc H.	125, 139	Welsch W.	207, 210
Sepre R.	183, 193	Wierzbicka A.	64, 69
Sepre W.	183, 193	Wójcik A.	183, 193
Siska I.	159	Wolton D.	198, 210
Skomorowski E.	181, 182, 193	Záturecký A. P.	109, 111, 112
Slavejkov P.	110	Zejler H.	124
Smirnov S.	179, 193	Ždanova V.	199, 208
Stefańczyk W.	190, 193		

KOKKUVÕTTED

SLAAVI MIKROFILOLOOGIATE FENOMEN TÄNAPÄEVA SLAVISTIKAS

ALEKSANDR DULITŠENKO

Tänapäeva slaavi keeled ja kirjandused moodustavad slaavi filoloogia, see on üldtunnustatud fakt juba XIX sajandist peale. XX sajandil hakati slavistika valdkonda kuuluvateks pidama ka nn mikrofiloloogiad, mille aluse moodustavad vastavad slaavi mikrokeeled ja -kirjandused. Neid mikrokeeli kõnelevaid inimesi ei ole palju — pooleteisest tuhandest kuni poole miljonini.

Tänapäeva klassifikatsioonis eristatakse nelja mikrokeelte rühma:

- autonoomsed (ülem- ja alamsorbi, kašuubi);
- saarelised (lõuna-russiini, burgenlandi-horvaadi, banat-bulgaaria, slavomolise, resia);
- perifeersed-saarelised (karpaadi-russiini, pomaki, egeuse-makedooni, veneetsia-sloveeni, bunjevi) ja
- perifeersed ehk regionaalsed (tšakavi, kajkavi, prekmurje, lahhi, idaslovaaki, läänepolesje, sileesia).

Ühtekokku eristatakse 20 mikrokeelt või nende loomise katset.

On oluline märkida, et esitatud mikrokeelte nimekiri ei ole ammendav. Uute mikrokirjakeelte loomise katsed on täheldatavad mitmetes tänapäeva Slaavia piirkondades, mis võib tulevikus viia mikrokirjakeelte arvu suurenemisele.

Artiklis vaadeldakse mikrokeelte sugulust: alguses keskendutakse kõige suurema arvulistel lõunaslaavi mikrokeeltel, seejärel lääne- ning idaslaavi keeltel, sh lõuna-russiini keelele, mille päritolu üle käivad vaidlused. Funktsioneerimise seisukohalt vaadeldakse kõiki slaavi mikrokeelte rühmi: autonoomseid, saarelisi, perifeerseid-saarelisi ja perifeerseid (regionaalseid).

Lõuna-russiini keele näitel illustreeritakse, kuidas mikrokirjakeel võib saavutada funktsioneerimise maksimaalse ulatuse. Artiklis näidatakse, et lisaks olemasolevatele «klassikalistele» filoloogiatele eksisteerib mikrofiloloogite rühm, mis rikastab slaavi filoloogiat tervikuna. Eraldi tuleb märkida, et osa mikrokeelte areng ei võimalda veel rääkida iseseisva filoloogia tekkest. Toodud näidetest ilmneb, et kaheksa mikrokeelt lähenevad oma funktsioneerimise ja kodifitseerituse poolest suurtele slaavi kirjakeeltele, viis mikrokeelt lähenevad «täisväärtuslikeks» mikrokeelteks tunnustamisele. Ülejäänud läbivad selliseid arenguetappe, mis võimaldavad mõne aja pärast ületada piiri, mis eraldab neid «tõeliseks» mikrokirjakeelteks olemisest. Enamuse slaavi mikrokeelte ja -kirjanduse näitel on võimalik näha, mismoodi toimub filoloogiate kujunemine.

LINGVOPRAGMAATILINE LÄHENEMINE KIRJAKEELE KUJUNEMISELE KAKSKEELSUSE TINGIMUSTES

(Tšehhi keele sõnavara kujunemise ja fikseerimise
näitel rahvusliku ärkamisaja perioodil)

IRINA ABISOGOMJAN

Tšehhi keele kujunemine ja areng rahvuslikul ärkamisajal oli tingitud muutustest, mis puudutasid tolle perioodi tšehhi ühiskonna kõiki eluvaldkondi. Samas oli tšehhi keele kujunemine ja areng «ärkamisprotsessi» lahutamatuks osaks: sellest tulenes tšehhi rahvusliku ärkamisaja keelekesksus. Kõnealuse ajastu iseloomulikuks jooneks ja muutuste liikumapanevaks jõuks oli saksa mõju eitamine ning sellega seotud puristlikud tendentsid, mida võimendas juba välja kujunenud negatiivne hoiak tšehhi-saksa kontaktidesse, sh (võimalik, et isegi eelkõige) keelekontaktidesse.

Tšehhi keel on peaaegu alati arenenud kakskeelsuse tingimustes. Tšehhi rahvuse levialadel on erinevatel ajaperioodidel kasutatud vanaslaavi, ladina ja saksa keelt, mis kõik on mõjutanud tšehhi keele arengut. Artiklis vaadeldakse ja selgitatakse negatiivse suhtumise põhjuseid saksa mõjudesse. Tšehhi ja saksa keelte kooseksisteerimine, eriti saksa-tšehhi kakskeelsus, mis oli suuremal määral iseloomulik rahvusliku ärkamisaja teisele perioodile, ei põhjendanud võõrkeele kasutamisest tingitud mittemõistmist, küll aga tugevdas ideoloogilist vastasseisu. Rahvusliku ärkamisaja keelelise ja ideoloogilise kontseptsiooni keskmes oli saksa keele ja kultuuri eitamine. Artiklis analüüsitakse mõningate tšehhi keele tunnusoonte (nt saksa laenude) hinnangulise esitamise viise rahvusliku ärkamisaja sõnaraamatutes ning sellega seoses peamisi adreassaadi mõjutamise võtteid.

Artikli autori meelest on alust arvata, et negatiivne suhtumise kõigesse saksapärasesse ning võimatus katkestada saksa-tšehhi suhteid oli tollele ajale iseloomulik ning hõlmas kõiki eluvaldkondi. Seejuures puudus objektiivne vajadus nende suhete katkestamiseks, vastupidi saksa-tšehhi sümbioos tihtipeale soodustas tšehhi ühiskonna ja kultuuri arengut, kuigi mõned rahvusliku ärkamisaja tegelased seda eitasid. Artiklis kinnitatakse seda järeldust rea näidete varal, mis pärinevad tšehhi rahvusliku ärkamisaja ideoloogia kujunemisloost ning tolle aja tšehhi keele sõnavara kujunemisest ja fikseerimisest (eelkõige sõnaraamatutes).

Seega võib väita, et saksa keel (eelkõige tänu tšehhi rahvusliku ärkamisaja tuntud figuride teadustegevusele) muutub «vallutajate» keelest vahenduskeeleks.

SLAAVI MENE: KÄSIKIRJADE «KOHALIKUD» ERIPÄRAD JA TEKSTI TÜPOLOOGIA

NATALJA NETŠUNAJEVA

Artiklis kirjeldatakse XI–XVII sajandi Menea käsikirju Venemaa Rahvusraamatukogu, Venemaa Vanade Aktide Riikliku Arhiivi, Tartu Ülikooli Raamatukogu (praegu asuvad Pihkva-Petseri kloostri), Jaroslavli muuseumi, Rootsi Kuningliku Raamatukogu ja Stockholmi Ülikooli Raamatukogu kogudest.

Menea on hümnograafiline raamat. See sisaldab pühakute ülistusi või kirikupühade tekste, mis on jaotatud iga kuu jaoks päevade kaupa. Menea esimesed tõlked kreeka keelest tehti Kyrillose ja Methodiuse ajastul. Hümnograafilised raamatud moodustavad umbes neljandiku XI–XIII sajanditest säilinud slaavi-vene raamatutest. Rakendades lingvotekstoloogilist analüüsi, näidatakse uurimiselaste tekstide tekstoloogilist tüpoloogiat ning spetsiifilisi lingvistilisi iseärasusi.

Käsikirja «kohalikeks» eripäradeks on slaavi ja vene pühakutele pühendatud kirikuteenistused. Artiklis kirjeldatakse vene pühakutele Borissile ja Glebile pühendatud teenistuse originaalteksti XII sajandi Juulikuu Meneast. Teenistuse tekst on vanima kompositsiooniga, millesarnast leidub vaid XI–XIII sajandist pärit neljas vene, viies lõunaslaavi ja ühes kreeka käsikirjas. Sellist tüüpi käsikirju nimetatakse arhailisteks.

Artiklis on võrreldud Borissi ja Glebi arhailist tüüpi teenistust XIV–XVII sajandi Jeruusalemma tüüpi Maikuu Menea käsikirjade teenistusega. Erisused on seotud teksti ülesehituse ja keeleliste variatsioonidega. Kirjeldatakse ka vene pühakutele Feodosi Petšerski, Leonti ja Ignati Rostovskile pühendatud originaalteenistusi XIV–XVII sajandi Maikuu Menea käsikirjadest. Analüüsist ilmneb, et teenistused järgivad Jeruusalemma tüüpi käsikirju, kuid neis esinevad spetsiifilised lekseemid, uued perfekti vormid ja vene keelele omane foneetika.

NIMETUSED *БОГ (JUMAL)* JA *ДУША (HING)*
EESTIS PEIPSIMAAL NING VALGEVENES
ELAVATE VAN AUSULISTE KEELELISES MAAILMAPILDIS

SVETLANA JEVSTRATOVA

Vanausuliste keelises maailmapildis on väga olulisel kohal kõlbelisi konstante tähistavad sõnad *Бог (Jumal)* ja *душа (hing)*. Kõlbelised konstandid määravad paljuski ära rahva mentaliteedi ning peegelduvad tema loodud suulistes ja kirjalikes tekstides. Autor selgitab vaadeldavate keelendite kultuurilist ja eetilist olulisust Eestis Peipsimaal ning Valgevenes Polesjes elavate vanausuliste jaoks.

Analüüsid vanausulistega salvestatud vestlustes esinevaid Jumalat ja hinge puudutavaid ütlusi, konstrueerib artikli autor vanausuliste keelise maailmapildi väikese fragmendi.

Alates 2003. aastast on Eesti Vanausuliste Kultuuri- ja Arendusühing koostöös Tartu Ülikooli vene keele õppetooliga korraldanud mitmeid murdekeele ning kultuuri ekspeditsioone Peipsi järve läänekaldale, kus on traditsiooniliselt elanud vene vanausulised. Käesolevas artiklis kasutab autor nii enda kui ka A. Maalmani välitööde ajal tehtud helisalvestisi. 2007. aasta augustis osales artikli autor prof. J. Kursite juhitud Läti Ülikooli ekspeditsioonil Valgevene Polesjes, mille käigus uuriti selle piirkonna elanike vaimset ja materiaalselt kultuuri. Valgevenest toodi kaasa vanausuliste räägitud lugude helisalvestised.

Uurimuse tulemusel jõutakse järeldusele, et nii Valgevenes kui ka Eestis Peipsimaal elavate vanema põlvkonna vanausuliste jaoks, keda ühendab usk ja kultuuritraditsioonid, on endiselt iseloomulik pühendumus vanausule, kuigi nende endi sõnul kontrollitakse tänapäeval taas selle usu kindlust ja vastupidavust. Usk täidab vanausuliste vaimset elu, seetõttu on sõnadel *Бог (Jumal)* ja *душа (hing)* väga oluline koht nende keelises maailmapildis. Vanausuliste eetika seisukohast on väga tähtis töötada, iga töö tuleb alustada ja lõpetada palvega Jumala poole ning tänada Teda abi eest. Jumal elab hinges, inimese vahetus läheduses ning just hing määrab inimese käitumist. *Jumal* ja *hing* on algsed eetilised konstandid, mis püsivad seetõttu muutumatuna.

VEENE VERBIMUUTESÜSTEEMI AKTUAALSE SEISUKORRA JA ARENGU HINDAMISE PARAMEETRITEST

NATALJA BOGDANOVA, OLGA BURDAKOVA

Artiklis tutvustatakse autorite poolt läbi viidava tänapäeva vene keele verbimuutesüsteemi seisukorda ja selle muutumise täiemahulise uuringu teoreetilisi aluseid. Selleks, et õigesti määratleda erinevate morfoloogiliste verbiklasside rolli keerulises verbimuutesüsteemis ning objektiivselt hinnata muutusi, mis leiavad aset nii üksikutes verbiklassides kui ka süsteemis tervikuna, kasutatakse statistilisi ja dünaamilisi näitajaid: verbiklassi maht (verbiklasside kvantitatiivsed karakteristikud: lekseemide ja sõnatähendusteisendite jaoks); verbiklassi sagedus kõnes (ehk kasutatavus); verbiklassi mahu muutumise intensiivsus (suurenemise/vähendamise kiirus); suhteline jooksev produktiivsus; suhteline jooksev destruktiivsus; derivatsiooniaktiivsuse määr; semantilise aktiivsuse määr; klassi konkurentne aktiivsus, klassi stabiilsus konkurentsivõitluses.

Verbiklasside võrdleva analüüsi põhjal välja töötatud parameetrite alusel on suur teoreetiline ja praktiline väärtus, sest taoline analüüs annab võimaluse näidata kogu vene verbi muutesüsteemi selle dünaamikas, fikseerida muutusi, mis leiavad aset üksikutes verbiklassides, eristada suurenevaid ja stabiilseid klasse, ehk teisisõnu võimaldab saada ülevaadet vene verbimuutesüsteemi aktuaalsest seisundist ning anda teaduslikult põhjendatud prognoos selle arengule.

Artiklis esitatud peamised verbimuutesüsteemi seisukorra hindamise parameetrid on mõningase korrigeerimise järel kasutatavad ka teiste sõnaklasside ja mudelite (nt substantiivi deklinatsiooni) seisukorra ja arengu hindamiseks.

MITTEAMETLIK GEOGRAAFILINE SÕNAVARA KUI TERRITORIAALKOGUKONNA LINGVISTILINE TUNNUS (Linnaslängi ja Piirissaare murraku näitel)

OKSANA PALIKOVA

Ühiskonna ruumiline identiteet baseerub *oma* ruumi mõistmisel ja kirjeldamisel. Seega mitteametlikus geograafilises sõnavaras (sh kõnekeelne toponüümia ja geograafiline rahvaterminoloogia) kajastub *oma* ja *võõra* aktuaalne opositsioon. Artiklis vaadeldakse *oma* ruumi leksikaalset vormistust linnas ja maal (keelematerjalina on kasutatud mitmesuguste geograafiliste objektide venekeelseid nimetusi Tartus [Соколова 2012] ja Piirissaarel [Паликова 2012-а, 2012-б]).

Linnaobjektide mitteametlike nimetuste kogum varieerub sõltuvalt linnaelanike rühmast, vaid mõned nimetused on üldkasutatavad nt *Горбатый мост* ('küürakas + sild' = *Kaarsild*). Sageli kasutab teatud rühm (nt üliõpilased, taksojuhid jne) «*oma*» mitteametlikku toponüümiat. Huvipakkuv on nii linnaobjektide nimekiri, kui ka nimetuste moodustumise viisid.

Kõige sagedamini kasutatakse linnaobjektide nimetamisel nende ametlike nimetuste teisendamist või välimusele viitamist nt: *Сястик* (Säästumarket), *Лыуник* (Lõunakeskus), *Кошмаркет* (*кошка* 'kass' + *маркет* = Comarket, sest kaupluse logol on kujutatud kass), *Памятник прищепке* (*прищепка* 'pesupulk' = F. G. W. Struvele pühendatud monument), *Памятник кузнечнику* (*кузнечик* 'ritsikas' = Jaan Tõnissoni monument); *пьяные дома* ('purjus majad' = elamud aadressil Luha 2, 3, 4). Nagu näha baseeruvad need nimetused tihti metafooridel.

Linnaobjektide nimetamisel kõnekeeles kasutatakse sageli metonüümiat, viidates nt kõrval- või seesolevale objektile. Selles rühmas võib leida nii üldkasutatavaid (nt *Патуша* 'raekoda' = Raekoja plats), kui ka okasionaalsõnu — ühe inimese või väikese rühma omavahelises suhtluses kasutatavad keelendid, nt *мост у Та́ску* ('sild Tasku juures' = Võidu sild), *Раковый корпус* ('vähkkorpus' = Vallikraavi tn, kus asub Hematoloogia-onkoloogia kliinik). Sarnaselt eelmise rühmaga kasutatakse siingi sageli keelemängu nt у *якобы Хурта* (*якобы* 'justkui' = Jakob Hurda monumendiga park).

Metonüümia ja olemasoleva nimetuse modifitseerimine ongi peamised linnaobjektide mitteametlike nimetuste moodustamise viisid. Samas on linnaobjektinimetustele omane variatiivsus, sünonüümia ning muutlikkus.

Mida väiksem on inimestevaheline distants ja mida kauem eksisteerivad koostöötingimused, seda rohkem avalduvad kogukonna liikmete mentaalsuses

keskkonna iseärasused, mis eristavad antud kogukonda teistest [Трофимов, Шарыгин, Исмагилов 2008: 6]. Selline tihe territoriaalne ja ajalooline kooskõlastamine esineb maapiirkondades. Saare (nt Piirissaare) puhul toetab taolist tihedat seotust lisaks suletusele (mingis mõttes muust maailmast ära lõigatud ruum) ka religioosne ühtsus (Piirissaarel on ajalooliselt elanud vanausulised).

Piirissaare murraku geograafiline sõnavara sisaldab lisaks mitteametlikele kohanimedele ka geograafilisi rahvatermineid. Mitteametlikud kohanimed antakse erinevatele objektidele, mis paiknevad saare a) asustatud, b) mitteasustatud territooriumil ning c) järvel. Kõige levinum sõnamoodustamisviis on siin metonüümia: nt kaeve nimetatakse kõrvaloleva maja omaniku järgi (isegi siis, kui maja pole säilinud) — *Панкру́хин колодец, Попо́в колодец, Сто́гов колодец, Фи́рсин колодец*. Vaid üks nimetus on moodustatud hoone välisilmele viidates: *Белый дом* ('valge maja' = valge telliskivimaja, kus asub vallavalitsus). Seega võib öelda, et kohanimedes säilib koht «väike» ajalugu.

Venekeelseid murdekohanimedid moodustatakse ka vastava koht eestikeelse nimetuse põhjal. Nt saare loodepoolse lahe (*Kurm* MURD 'omaette, eraldatud maakohat') ning laheäärse territooriumi nimetamisel kasutatakse laensõna *Курма*. Kuna see nimetus jääb vene keeles «võõraks», tähenduseta sõnaks kuulub see vaid püsiühendi koosseisu: <пойти> в *Курму*, где беси *турну* <заберут?> ('minna Kurmasse, kus tondid <sind> võtavad').

Piirissaare geograafilisele rahvaterminoloogile on ühest küljest iseloomulik see, et ülekaalus on järve (mitte maismaaga) seotud nimetused, teisest küljest on rahvaterminiteks valdavalt sellised sõnad, mille sisevorm on motiveeritud ning tähendus seega ennustatav.

Kokkuvõtteks võib öelda, et linnas jääb metonüümne nimetus sageli mingi väikese inimrühma omavahelisse kasutusse; levinud on linnaobjekti ametlikule nimetusele või välimusele viitavad nimetused, samas kasutatakse metafoorseid keelendeid. Maal seevastu on metonüümia kohanimede moodustamisel laialt levinud ning püsiv. Geograafilises rahvaterminoloogias domineerivad motiveeritud sisevormiga sõnad, millel on ka kognitiivne funktsioon.

JEFREM SIRINI NIMETAMINE NOVGORODI PÜHA SOFIA KATEDRAALI XI SAJANDI GRAFFITIS

SERGEI TEMTŠIN

Artiklis vaadeldakse Novgorodi Püha Sofia katedraalist leitud XI saj muistset vanavene graffitit, milles nimetatakse Jefrem Sirinit.

Kui sõnad *ѣфремъ сурѣ(н)[ъ] инкъ* moodustavad tõepoolest iseseisva graffiti, siis formaalselt võib see olla seotud nii Novgorodist pärit Jefremiga, keda kutsuti Siriniks, kui ka tuntud usuõpetaja ja liturgilise luuletaja Jefrem Siriniga, kuna seinakirjas ei ole otsesest viidet tunnustele, mis võimaldaksid tõlgendamisel eelistada üht isikut teisele. Ent tuleb siiski silmas pidada, et esimene versioon on üksnes loogiline konstruktsioon, mida ei kinnita ajaloolised andmed (välja arvatud graffiti ise, mis aga võib olla tõlgendatud muul viisil), teine versioon põhineb aga sõltumatutel ajalooallikatel. Lisaks eelöeldule tuleb silmas pidada, et kiri asub just nimelt pühakoja seinal, mis annab alust tõlgendada seda kiriklikus, mitte ilmalikus kontekstis ka juhul, kui mõlemad tõlgendused on võimalikud.

Nime monogrammikujuline kiriapilt ei saa üheselt viidata just Novgorodist pärit Jefremile isegi juhul, kui kõik ülejäänud monogrammide kasutamise juhtumid Püha Sofia katedraali seintel on Novgorodi elanike autogrammid. Artikli autor, pakkudes välja kahe Novgorodi graffiti semiidi päritolu tõlgenduse, on märkinud, et monogrammi kasutamine on bütsantsi päritolu nimede kujutamise viis. Samas Bütsantsi minuskelkirja traditsioonis ei olnud monogrammid seotud üksnes autogrammidega; neid kasutati ka ammu surnud kirikuisade nimede ülesmärkimisel. Näiteks Novgorodi graffiti kirjutamise ajal, 1050–1108/12 aastatel, esines bütsantsi hümnograafias käsikirjade servadel kaanonite alguses monogramme, mis tähistasid nende loojate nimesid, nt Püha Jossif Hümnograaf. See traditsioon võeti üle ka kirikuslaavi kirjakunsti.

Artiklis kritiseeritakse hiljutist oletust, et vaadeldav graffiti viitab Novgorodi linna elanikule Efremile, hüüdnime järgi Sirinile ning on seotud sama pühakoja seinal leiduva teise arameakeelse (vanasiüria) kirjaga. Artiklis esitatakse tõestusmaterjali selle kohta, et graffitis nimetatakse kuulsat kirikutegelast ja liturgilist luuletajat Jefrem Sirinit, mitte Novgorodi linna elanikku. Seega ei ole uuritav kiri seotud oletatavalt arameakeelse graffitiga, mis asub samuti Novgorodi Püha Sofia katedraali seinal.

VÁCLAV FLAJŠHANSI SÕNARAAMATU TÄHTSUS EUROOPA PARÖMIOLOOGIA JAOKS

VALERI MOKIENKO

Artiklis kirjeldatakse Václav Flajšhansi kaheköitelise paröömiasõnastiku koostamis- ja avaldamislugu. Sõnaraamat «Česká přísloví» avaldati 100 aastat tagasi, 1911.–1913. a. Tegemist on ühe suurima tšehhi ja slaavi vanasõnade ning nende Lääne-Euroopa vastete kogumikuga, mis on ilmunud XX saj algul. Sõnaraamatusse koondatud paröömiate analüüs näitab, et antud teosel on suur leksikograafiline väärtus, sest tšehhi paröömiad on esitatud Euroopa rahvaluule väikevormide kontekstis: sõnaraamatus on esitatud paralleelid saksa, prantsuse, inglise, ladina jt keeltest. Muukeelsed pröömiad illustreerivad ilmekalt tšehhi rahvakultuuri kuulumist Euroopa konteksti. Artiklis selgitatakse Flajšhansi sõnaraamatu saja-aastast mahavaikimislugu selle panslavismivastase suunitluse ja kontseptuaalse vastandumisega Fr. L. Čelakovský tuntud kogumikule «Mudrosloví národu slovanského ve příslovích» (1852).

V. Flajšhansi sõnaraamatut võib õigustatult pidada euroopa parömioloogia eelkäijaks. Artiklis vaadeldakse ka sõnaraamatu uusima, 2013. a väljaande mõnede sõnaartiklite keelelis-kulturooloogilise kommentaariga seotud probleeme. On näidatud, kuidas sõnaraamatu koostaja tõlgendas «oma» ja «võõrast» ning seda, et mõned Flajšhansi oletused parömioloogia arengu kohta on osutunud õigeks, mõned on jäänud vaid hüpoteetiliseks. Raamatu bibliograafiasse on koondatud XX saj parömioloogiaalane kirjandus. Oluline on märkida, et Václav Flajšhansi «Česká přísloví», mis ilmus esmakordselt XX saj alguses, võib saada heaks orientiiriks edaspidistele uurimustele parömioloogia vallas.

F. JAKUBASZI
ÜLEMSORBI-SAKSA SÕNARAAMATU (1954)
MÄRGENDATUD SÕNAARTIKLID

TADEUSZ LEWASZKIEWICZ

F. Jakubaszi ülemsorbi-saksa keele sõnaraamat (Słownik górnołużycko-niemiecki, 1954) on tüübilt normiv. Koostaja on selles tärniga ära märkinud 303 sõna ja väljendit. Tärn tähistab vananenud või väära (sõnamoodustuse seisukohalt) märksõna. Vähemalt 202 nendest sõnaartiklitest (66,4%) on oma sõnaraamatust välja jätnud Völkel (vastavalt 1981. ja 2005. a väljaanded).

Mõnikümmend Jakubaszi sõnaraamatus leiduvat sõnaartiklit on käsitletavat slavismidena. Peamiselt on tegu laenude ja uudissõnadega, mis on moodustatud slaavi (peamiselt tšehhi, harvem poola) keelte mõjul. Nende sõnade levikule on kaasa aidanud sõnaraamatute koostajad (Pful — 1866, Rězak — 1920 ja Kral — 1927–1931) ja kasutuselevõtt ülemsorbi slavofiilide poolt, kelleks olid peamiselt Tšehhoslovakkia sorbi gümnaasiumide endised õpilased ning Tšehhi ja Poola ülikoolide üliõpilased.

1950.-1960. aastatel oli Jakubaszi ülemsorbi-saksa keele sõnaraamat väga laialt kasutatav, kuid suured muutused ülemsorbi keele sõnavaras viisid selleni, et pärast Völkel'i sõnaraamatu esmatrükki (1970) muutus Jakubaszi sõnaraamat peamiselt ajaloolise leksikoloogia uurijate huviobjektiks.

Artiklis esitatud leksikograafilisi andmeid F. Jakubaszi sõnaraamatu kohta võib pidada ammendavateks. Neid on võrreldud hilisemate sorbi keele sõnaraamatutega.

BROCKHAUSI JA EFRONI
«ENTSÜKLOPEEDILINE SÕNASTIK»
KUI VENE LINGVISTIKA *TERRA INCOGNITA*
(Pilk XXI sajandist)

OLEG NIKITIN

Artiklis antakse kuulsa Brockhausi ja Efroni «Entsüklopeedilise sõnastiku» lingvistika-alase märksõnastiku analüütiline lühiülevaade.

Tegemist on faktiliselt esimese professionaalselt koostatud mõistelise sõnaraamatuga, millesse on koondatud lai keeleteaduse mõistete spekter: märgisüsteemide elemendid, eksootilised ja rahvusvahelised keeled, stilistika ja retoorika probleemid, foneetika-, grammatika- ja üldkeeleteaduse mõisted. Artiklis vaadeldakse «Entsüklopeedilise sõnastiku» koostamist ja keeleteaduslikke sõnaartikleid. Märgitakse, et autorite huviorbiidis olid lisaks vene keelele ka iidset ja tänapäeva euroopa keeled, mille eripära on tesauruses samuti kirjeldatud.

Samas tuleb silmas pidada, et tegemist on erialasõnastikuga, milles antakse konkreetsete keeleteaduse terminite definitsioonid («Täishäälikud», «Hüüdsõna», «Grammatiline sugu», «Rõhk» jne). Erilist tähelepanu pööratakse keeltevahelistele sidemetele ja ajaloolis-kõrvutavale aspektile keeleküsimumste seletamisel. Rõhutatakse, et autorite teaduskontseptsioonide kujunemisel on olulist rolli mänginud XIX saj saksa keeleteadus, millele oli iseloomulik vaadelda paljusid grammatika ja üldkeeleteaduse probleeme võrdleva keeleteaduse võtmes.

Artiklis märgitakse, et sõnastiku artiklid erinevad mahu ja tõlgendusviisi poolest: on probleemartikleid, mis on võrreldavad monograafiliste kirjeldustega («Vene keel», «Võrdlev-ajalooline keeleteadus», «Keel ja keeled», «Keeleteadus» jt), teistes sõnaartiklites võidakse piirduda mõiste lühidefinitsiooni ja mõnede ajalooliste faktide esitamisega.

Analüüsitava sõnatiku lingvistikaosa iseloomustab suur sõnaartiklite hulk, mis on pühendatud Kagu-Aasia, eriti India keeltele, kirjandustele, kultuuridele ja religioonidele ning üldisemalt haruldastele keeltele, mille teaduslik uurimine XIX ja XX saj vahetusel oli alles algusjärgus. Sõnastikus on ka mõned lingvistidele pühendatud sõnaartikleid, milles antakse hinnang nende panusele keeleteadusse.

Artiklis tuuakse ära mõnede sõnaartiklite iseloomulikke fragmente, mis annavad tunnistust sõnastiku autorite kõrgest filoloogilisest erudeeritusest ning materjalide aktuaalsusest tänapäeva keeleteaduse jaoks.

TAGA-KARPAATIA RUSSIINIDE PERIOODIKAVÄLJAANDED (1939.–1944. a)

KÁPRÁLY MIHÁLY

Artiklis esitatakse Taga-Karpaatias II Maailmasõja ajal ilmunud russiinide perioodikaväljaannete nimistu. Tegemist on perioodiga, mil kõnealune piirkond taasliideti Ungariga (november 1938 – oktoober 1944) pärast 20-aastast kuulumist Tšehhoslovakkia koosseisu. Tol ajal ilmusid regioonis peaaesjalikult russiini- ja ungarikeelsed väljaanded. Nimetatud keeled olid kõnealuse territooriumi (ungari k. Kárpátaljai terület) ametlikeks keelteks.

Pärast regiooni liitumist Ungariga keelati ukraina- ka tšehhikeelsed perioodikaväljaanded. See oli vastus ukrainameelsele Augustin Vološini poliitikale, mis keelustas 1938. a sügisel russiinikeelsed ja -meelsed väljaanded. Ülevaates esitatakse 15 russiinikeelse ajakirja ja ajalehe bibliograafiline kirjeldus ja lühiseeloomustus; sh on käsitletud kolme venekeelset ajalehte, mis ilmusid Užgorodis ning mille väljaandjateks olid vene keele kasutamise pooldajad russiini kirjakeele funktsioonis.

On esitatud põhjalikud andmed iga perioodikaväljaande kohta: ilmumiskoht, kes ja mis ajal oli peatoimetaja, milline oli ajalehe või ajakirja maht jne. Lisaks sellele on ära märgitud Lääne-Ukraina, Ungari ja teiste riikide raamatukogud, milles hoitakse ühe või teise väljaande täis- ja poolikuid komplekte. Autor on ära märkinud ka hoidlates olemas olevate perioodikaväljaannete numbrite loendi. Lisaks sellele iseloomustatakse lühidalt iga perioodikaväljaande sisu. Oluks võib pidada asjaolu, et artiklis antakse esmakordselt nii russiini-, ukrainakui ka venekeelsete väljaannete kirjeldused.

Artikkel on jaotatud järgmisteks osadeks:

- «Karpaatia Teaduseltsi väljaanded» (3 ühikut),
- «Nädalalehed» (4),
- «Venekeelsed väljaanded» (3),
- «Kuukirjad» (2),
- «Religioossed väljaanded» (3).

KIRIKUSLAAVI KEELE ELEMENTIDE ESINDATUS LÕUNA-RUSSIINIDE VAIMUKULTUURIS

MIHHAILO FEISA

Kirikuslaavi keel oli russiinide seas levinud juba Austria-Ungari monarhia ajal, enne ümberasumist Bačkasse. Esimene karpaadi-russiini kirikuslaavi keele redaktsioonis välja antud grammatika ilmus 1850. aastal ning kandis pealkirja «Grammatica Slavo-Ruthena»; selle looja oli Mihhail Lučkaj. Bačka kirjakeelse kultuuri arengus mängis suurt rolli vene keel, mida tol ajal tõlgendati sageli ühisslaavi keelena. Orientiiriks võib seejuures pidada Arseni Kocaki grammatikat, milles võeti esmakordselt kasutusele rahvanimetus «russiin».

XVII saj lõpus — XVIII sajandil avaldati viis aabitsat. Ioann Kutkini aabitsat avaldati ühtekokku neljal korral XVIII-XIX saj. Sellele järgnesid teised, enamasti käsikirjalised raamatud, mille hulgas võib ära märkida nt «Meie Issanda Kannatused». 1865. a ilmus Aleksandr Duhnovitši «Palveraamat». 1890. a avaldati Mihhail Vrabeli kogutud «Russiini ööbik». Selles kogumikus avaldatud tekstid on «erinevates ugri-vene keeltes», sh ka kirikuslaavi keeles. Artiklis iseloomustatakse lühidalt nn ugri-vene «jazõtšije»¹ graafilis-foneetilisi ja morfoloogilisi tunnuseid.

XIX saj teisel poolel — XX saj algul kujuneb välja eriline ugri-vene-kirikuslaavi kirjakeele variant — batši keel, mille eksistentsile juhtis esmakordselt tähelepanu Aleksandr Dulitšenko. Selles keeles loodi peaausjalikult käsikirjalisi tekste, millest enamust ei ole kahjuks kuni tänapäevani ei kogutud ega avaldatud. Austria-Ungari lagunemine 1918. a tõi endaga kaasa jugoslaavi-russiinide kultuuri- ja hariduselu elavnemise. Alates 1919. a hakkasid ilmuma tekstid lõuna-russiini keeles, millele omistati samal aastal kultuurikeele staatus. Suurt rolli selles mängis Rusiini Kultuuri- ja Haridusselts. Hakkasid ilmuma religioosse, hiljem ka ilmaliku kirjanduse tõlked lõuna-russiini mikrokelde. Artiklis tuuakse uue kirjakeele grammatiliste vormide variatiivsuse näiteid. Samal ajal hakkab vähenema kirikuslaavi keele kasutus, mis lõpuks taandub Bačka kreeka-katoliku kiriku keeleks, kus seda kasutatakse tänapäevani.

¹ Vene k. *язычие*: kirikuslaavi ja kohaliku keele baasil loodud kirjakeel, mida kasutati XIX saj lõpus — XX saj alguses Galiitsias, Bukoviinas ja Taga-Karpaatias (*Tõlk.*).

EESTI-POOLA JA POOLA-EESTI LEKSIKOGRAAFILISTE VÄLJAANNETE TEKKELOOST

ALISIJA TŠEKADA

Artiklis antakse lühiülevaade kakskeelse leksikograafia arengust eesti ja poola keelte näitel. Põhitähelepanu on viimase 80 aasta jooksul avaldatud sõnastikel. Artiklis analüüsitakse ja võrreldakse seitset paber kandjal ilmunud eesti-poola ja poola-eesti leksikograafilist allikat ning ühte elektroonilist mitmekeelse sõnastiku projekti. Kirjelduse ühtsuse saavutamiseks järgitakse iga väljaande puhul ühetüübilist struktuuri: 1) väljaande lühiiseloostus, 2) andmed autorite ja/või koostajate kohta, 3) sõnastiku kasutajate sihtrühm, 4) sõnaraamatu/ vestmiku maht ja sisu, 5) sõnavara jaotamine temaatilistesse rühmadesse, 6) keelematerjali esitamise viis, 7) grammatiliste jt kommentaaride olemasolu ja piisavus või ebapiisavus, 8) üldised järeldused väljaande tähtsuse kohta kakskeelses leksikograafias.

Analüüsitud materjalist järeldub, et eesti-poola ja poola-eesti leksikograafia on üldisel eesti-slaavi leksikograafia taustal esindatud võrdlemisi suure hulga käsi- ja sõnaraamatutega. Suurem osa neist väljaannetest on ilmunud viimase 20 aasta jooksul — perioodil, mil tihedad keele- ja kultuurikontaktid Eesti ja Poola vahel tingisid õpikute, käsiraamatute, vestmike ja kakskeelsete sõnaraamatute koostamise vajalikkuse. Vaatamata sellele, et käsitletava valdkonna teadustraditsioon ei ole välja kujunenud, on lühikese ajaga ära tehtud väga palju. Praegusel ajal eksisteerib vajadus eelkõige teoreetiliste tööde järele eesti-poola-eesti leksikograafia alal.

SAKSA-VEENE VENE KEEL — KEELEMÄNGUST KEELEKS?

HOLGER KUBE, MARINA ŠARLAI

Saksamaal elavate vene emigrantide keelt, mida käsitletakse käesolevas artiklis, on vaadeldud kui saksa-vene vene keele idioomi. Vene keelt emakeelena kõnelevate Saksamaa elanike kõne aluseks on kahe keelesüsteemi — saksa ja vene keele — segunemine, mille tekkepõhjuseks on ühelt poolt keelemäng, teiselt poolt suhtlusvajadus. Seejuures on täheldatav selge saksakeelse sõnavara ülekanne vene keele morfoloogilisele alusele.

Artikli keskne küsimus on järgmine: «Kas keelte segunemine algselt individuaalse keelemängu, seejärel kollektiivse loome tasandil viib uue (alam)standardi või (mikro)keele tekkimisele?»

Uuringu fookuses on vene emigrantide kõne eripära väljaselgitamine ning sellega seotud keelenäidete tüpologia. Näited pärinevad vene keelt emakeelena kõnelevate respondentide intervjuude lindistustest ning materjalidest, mis pärinevad Saksamaa venekeelsest ajakirjandusest ja internetifoorumitest, kus arutletakse igapäevaprobleemide üle.

Erilist tähelepanu pööratakse segunenud keelenähtuste funktsioonidele ning suhtumisele nendesse keele kasutajate poolt. Metoodilis-teoreetilises plaanis on tegemist kontaktlingvistika valdkonda kuuluva tööga. Oletatakse, et vene-saksa vene keele idioomi näol ei ole tegemist välja kujunenud kirjakeelega, kuid see võib areneda funktsionaalselt piiritletud mikrokeele suunas. Nimetatud tendents on võimalik eeldusel, et keele ja kõne legitimeerimine toimub liiks informatiivsele ja referentsiaalsele ning ekspressiivsele ja apellatiivsele funktsioonile ka poeetilise funktsiooni kaudu.

Lähtudes eelöeldust esitatakse tees, et saksa-vene vene keel areneb poeetilise mikrokeele suunas.

DIASPORAA KEEL VÕI INTERFERENTS TÕLKETEKSTIDES?

KATRIN KARU

Viimase paarikümne aasta jooksul on märgatavalt kasvanud keeleteadlaste huvi vene keeles toimuvate muutuste vastu. Eraldi uurimissuuna moodustavad vene diasporaa keele uuringud. Ootuspäraselt pakub diasporaa keel huvi ka Eesti lingvistidele, kuivõrd vastavalt REL2011 andmetele kõneleb vene keelt emakeele-
na 29,6% Eesti elanikkonnast.

Eesti vene diasporaa keelele omaste nähtuste hulgas märgitakse sageli nt ladinapärase tähestiku kasutamist venekeelses tekstis, mitmesuguseid eesti laene, uudisõnu, uute sõnatähtenduste tekkimist, verbirektsiooni, täiendifraasi ja lauseehituse eripära jm (vt nt [Адамсон 2009, Евстратова 2000, 2002, Костанди 2002, 2009, 2011, Кюльмоя 2009, Щаднева 2002, 2009]).

Nende uurimuste puhul torkab silma analüüsiava materjali heterogeensus: uurijad vaatlevad nii originaalseid, vene keeles kirjutatud tekste kui ka tõlkeid eesti keelest vene keelde. Tähelepanuväärne on see, et nii originaaltekste kui ka tõlkeid vaadeldakse tavaliselt koos. Samas on äärmiselt oluline eristada neid allikaid, sest originaal- ja tõlketeksti loomisel toimivad erinevad mehhanismid. Esiteks on iga tõlketekst alati sekundaarne, teiseks on üldteada, et tõlge ei ole kunagi täiesti identne originaaliga. Sellest järeldub, et tõlketeksti analüüsimisel tuleb alati arvestada selle eripäraga.

Tõlketeaduses on käibel tõlkeinterferentsi mõiste, mis erineb mõnevõrra keeleteaduses kasutatavast keeltevahalise interferentsi mõistest. Tõlketeadlased on juhtinud tähelepanu asjaolule, et täielikult vältida interferentsi tõlkimisel on praktiliselt võimatu [Гарбовский 2007]. Tõlkeinterferents võib olla kvalitatiivne ja/ või kvantitatiivne [Алексеева 2010].

Analüüsides diasporaa keele uurijate toodavaid näiteid, ilmneb, et nii mõnedki neist on käsitletavad tõlkeinterferentsi ilmingute, mitte diasporaa keele eripärana. Seetõttu, rääkides diasporaa keelest, tuleb selgelt eristada süsteemseid keelefakte, mis tõepoolest iseloomustavad diasporaa keelt, ning ebaõnnestunud tõlkeid, mis on käsitletavad tõlkeinterferentsi ilmingutena. Seetõttu tuleb diasporaa keele uurimisel selgelt eristada originaal- ja tõlketekstidest pärit keelematerjali.

PROPOSITSIOONIDEVAHELISTE SUHETE VÄLJENDAMINE SLOVEENI KEELES

ANDREJA ŽELE

Keele kommunikatiivsete võimaluste ja – kitsamalt – süntaksi uurimise seisukohast on oluline vaadelda, kuidas korreleeruvad omavahel üksikute lausete propositsioonid ja propositsioonidevahelised seosed tekstis. Propositsioonidevaheliste suhete väljendusviisid baseeruvad järgmistel tekstisüntaksi aluspõhimõtetel:

1. leksikaalsed lausetevahelised seosed tekstis (substitutsioon);
2. rinnastusseose olemasolu;
3. alistusseose olemasolu;
4. formaalselt väljendamata seose olemasolu.

Nimetatud põhimõtetel rajanevad iga konkreetse keele – meie juhul sloveeni keele – lausekomponentide süva- ja pindstruktuuride transformatsiooni võimalused. Artiklis vaadeldakse sloveeni keele propositsioonide, ja seega ka lausetevaheliste seoste võimalusi. Eraldi peatutakse adverbi propositsioonistaatusel ehk teisisõnu selle tähendustel lause süvastruktuuris.

Autor jagab sloveenikeelse teksti sidususe tagamise võimalused eksplitsiitseteks ja implitsiitseteks, tuginedes lause süva- ja pindstruktuuride vahelistele suhetele. Eksplitsiitsete sidususe väljendajate hulka kuuluvad eelkõige sidendid. Implitsiitsete seoseid väljendavad regulaarselt partiklid, mis esinevad lause modifikaatorite funktsioonis. Artiklis vaadeldakse neid sidususvahendeid (siden-deid ja partikleid), mis võimaldavad täpselt väljendada erinevate lausete propositsioonide vahelisi suhteid tekstis.

Artiklis vaadeldakse kõiki peamisi sloveeni keelele omaseid propositsioonide vahelisi suhteid. Tuuakse konkreetsete propositsioonidevaheliste tähendus-seoste näiteid, analüüsitakse neid seoseid loovaid sidususe vahendeid. Jõutakse üldisele järeldusele, et propositsioonidevahelised seosed on sidusa teksti ja seega tekstisüntaksi aluseks.

SÜNTAKTILISTE SEOSTE PRAGMAATIKA: ANALÜÜSIPROBLEEME

JELIZAVETA-KAARINA KOSTANDI

Vene keele süntaktiliste seoste formaalseid ja semantilisi omadusi on uuritud ammu ja erinevatest aspektidest, kuid nende pragmaatikat süstemaatiliselt analüüsitud ei ole. Käesolev artikkel on pühendatud süntaktiliste seoste pragmaatika ja selle analüüsiga seotud raskuste käsitlemisele. Tegemist on osaga suuremast uuringust, mille eesmärgiks on välja selgitada alistus-, rinnastus-, predikaatsiooniseose ning leksikaalsete ja grammatiliste tekstiseoste pragmaatiline potentsiaal. Erinevate tekstide (ilukirjandusteosed, meediatekstitid, kõnekeel, tõlketekstitid jt) analüüsile toetudes on võimalik väita, et kõikidele süntaktiliste seoste tüüpidele on omane pragmaatiline aspekt. Artiklis otsitakse vastust küsimusele, kuidas seda aspekti leida ja uurida ning millised probleemid ilmnevad sellise analüüsi käigus. Vastus peitub erinevates kontekstides (erinevad tekstide eesmärgid, rõhuasetused, kõnesituatsioonid, suhtluseesmärgid ja teised kommunikatiiv-pragmaatilised faktorid).

Artikli peamiseks uurimisobjektiks on alistusseose pragmaatika, mis ilmneb alistusseosega sõnaühendite variatiivsuse analüüsi käigus. Materjali allikana on kasutatud vene keele korpuseid, mis sisaldavad rohkesti eri tüüpi süntaktiliste seostega sünonüümseid sõnaühendeid.

Artiklis analüüsitakse ja kõrvutatakse alistusseosega keelendeid erineva pragmaatilise suunitlusega (autori eesmärgid, sellega seotud rõhuasetused, hinnang jt.) tekstides, nt ilukirjanduses, ametlikus tekstis, kõnekeeles, vene diaspora keeles (meedia, reklaam) jt. Just erinevate kontekstide kõrvutamine aitab leida ja analüüsida süntaktiliste seoste pragmaatilist suunitlust.

LIITSÕNAD JA SÕNAÜHENDID KEELESISESE JA KEELTEVAHELISE VASTASTIKMÕJU VAATENURGAST (Ametitekstide tõlgete põhjal)

JELENA VELMAN-OMELINA, VALENTINA ŠTŠADNEVA

Üleilmastumise tulemusena on mitmekeelsetes ühiskondades suurenenud ametliku suhtluse roll, mistõttu on muutunud oluliseks mitmesuguste tarbetekstide tõlkimine. Eriti on see märgatav diasporaa tingimustes, kuna ametitekstide tõlked on diasporaa puhul ülioluline teabeallikas. Sellest tulenevalt peab ametitekstide tõlge olema eriti täpne. Tõlkija puutub kokku a) sotsiaalsetest ja pragmaatilistest faktoritest tingitud erinevustega Venemaal ja Eestis funktsioneerivas vene keeles, mis väljenduvad kõige selgemini sõnavaras ja kirjapildis, ning b) eesti ja vene keele süsteemide oluliste erinevustega, eelkõige omastavalise liitumisega liitsõnade ja nimisõnafraaside kasutamise osas, sest need on iseloomulikud mõlema keele ametlikule stiilile.

Artiklis keskendutakse eesti ja vene keele sõnamoodustuse eripärale, mis põhjustab tõlkeinterferentsi. Eelkõige vaadeldakse omastavalise liitumise ja erineva tüvemorfeemide arvuga liitsõnade tõlkimise mudeleid. Taolisi liitsõnu tõlgitakse vene keelde tavaliselt genitiivsete konstruktsioonide abil, kuna vene keelele on sõnade liitmine iseloomulik vähemal määral, kui eesti keelele. Selliste tõlkevastete võrdlus annab selgelt märku, et nende keelesüsteemi elementide vahel eksisteerib vastastikune seos.

Eestikeelsete liitsõnade tõlkimisel vene keelde kehtivad samasugused seaduspärasused, mis substantiivifraaside tõlkimisel. Seejuures tuleb arvestada, et eestikeelne ja venekeelne genitiivne substantiivifraas on erineva ülesehitusega. Võrreldavates keeltes asuvad mitteühilduvad täiendid substantiivifraasi eri kohtades: kui vene keeles jääb genitiivi vorm põhisõnast paremale, siis eesti keeles on selle koht vasakul. Samad reeglid kehtivad ka paljude eesti liitsõnade tõlkimisel, kuid kui eestikeelne liitsõna tõlgitakse vene keelde adjektiivi ja substantiivi abil, säilib tõlketekstis sama tüvemorfeemide järjestus, mis eesti keeles.

Seega on ilmne, et vaadeldavates keeltes on sõna- ja lausemoodustus omavahel tihedalt seotud. Liitsõnade tõlkimisel on täheldatav omapärane erinevate keeletasandite vastastikmõju. Tõlkes avaldub keelesisene leksika ja grammatika vastastikmõju keeltevahelise vastastikmõjuna.